

Во имя ЖИЗНИ

Анаис Лисай
Макс Лисай

Макс Лисай

Во имя жизни

«Автор»

2024

Лисай М.

Во имя жизни / М. Лисай — «Автор», 2024

Сотни лет Стражи оберегают Хиридриум от посягательств других миров. Они сражаются «во имя жизни» и чтят Кодекс. Но иногда первое противоречит второму. Из этих противоречий родился враг, скрытый в тени. Годами он распространял своё влияние, стремясь начать Эру Хаоса. Катаклизм, окружённый древними преданиями, в которых сложно отделить правду от вымысла. Четыре стража вступают на извилистый путь, не понимая, кто им противостоит. Ричард, предатель и убийца королевы, ведомый чувством вины. Пробудившийся, осколок разбитого витража, готовый на всё ради выживания. Рэйчел, наследница магистра, бегущая от ответственности. Лето, архимаг, владеющая магией разума, стремящаяся защитить близких любой ценой. На что они пойдут, чтобы противостоять Эре Хаоса? Готовы ли они на всё «во имя жизни», даже если ценой будет их собственная? Первая книга цикла «Стражи».

© Лисай М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Призраки прошлого	8
Глава 2. Пробуждение	20
Глава 3. Большие тайны маленького Кифривиса	36
Глава 4. Проблемы найдут тебя сами	54
Глава 5. Старые раны	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Макс Лисай, Анаис Лисай

Во имя жизни

Пролог

Крепость Орт застыла, погрузившись в сон после очередного дня войны. Сколько их уже прошло? Обитатели сбились со счёта. Но сон этот был чутким, беспокойным, напоминавшим дрему, которая может прерваться от лёгкого шороха, шага или случайно сказанного слова. Крепость Стражей и её обитатели спали, пытаясь убежать от тяжёлой действительности, которая с каждым днём становилась всё непроглядней и невыносимей. Тишина, разрываемая случайным взмахом крыльев прилетевших воронов, желавших поглумиться над ними, царила полноправно, не терпя любых посягательств на своё величие.

Но в кабинете верховного магистра Стражей горела пара свечей, разрезая непроглядную тьму, царившую в долгие, зимние паёнские ночи. Джон Берриган, сгорбившись, сидел в кресле за массивным деревянным столом, рассматривая донесения, полученные от войск королевы и своих мастеров. На его лбу залегли глубокие борозды морщин, а ясные, тёмно-голубые глаза заволокли тёмные тучи проблем. Новости не предвещали ничего хорошего. Регардия наступала, и её полная победа становилась вопросом нескольких месяцев или даже недель. Джон провёл рукой по короткому ёжику рыжих волос. Очередное письмо королевы Девон Кросс пестрило мольбами возглавить объединённое войско паенцев и стражей и дать генеральное сражение под Менноной, пока не поздно. Она уповала сохранить Паёнию. Но какой в этом смысл, если им грозило нечто большее, чем они могли осознать?

Джон тяжело вздохнул, его покой нарушил робко раздавшийся стук в дверь – три протяжных удара. Это был условный знак, которым пользовался его сын, Ричард. «Ну, наконец-то», – пронеслось в мыслях Джона. Время принимать решения пришло.

– Войдите, – стальной, мощный голос неестественно прозвучал в ночи.

На пороге кабинета появился Ричард. Он переминался с ноги на ногу, определённо не понимая, зачем Джон позвал его в столь поздний час. Ричарду только исполнилось двадцать пять, по меркам стражей он был ещё неоперившимся птенцом. И именно этому птенцу придётся вершить историю, сделать то, на что Джон при всей верности ордену был не способен. Но правильно ли этого требовать от Ричарда, который просто не способен ему отказать? Ответ «да» прожигал Джону душу, но выбора не было. Либо так, либо их всех ждёт гибель.

Джон бросил быстрый взгляд на сына: под тёмно-голубыми глазами залегли чёрные тени, лицо было бледным и ужасно напоминало лицо его матери, Эстель. Оба ребёнка унаследовали её черты, и только глаза были его. Джон усмехнулся, Эстель в жизни не одобрила бы этот план, как, впрочем, и любой другой. Они отдалились друг от друга давно и явно навсегда. При их редких встречах Эстель была вежлива – излишне. Идеальная жёнушка, которая не позволила бы никому усомниться в непоколебимости их отношений. Образец чистоты и благодетели, рядом с которым и служительница Богини почувствовала бы себя грязной, испорченной Мэрволэйтом. Иногда Джон задавался вопросом: когда пропала та страсть, которая обуревала при виде жены. С годами мысль, что их брак был навязан условностями, всё больше укоренялась в сознании. Она не верила, не разделяла его идеи и перестала быть тихой гаванью. Да что там! Никогда не была. Пропать, лежащая между ними, была огромна, мостом же оставались дети, но то, что он уготовил Ричарду, Эстель никогда бы не приняла.

Ричард провёл рукой по подбородку, он недавно начал отращивать бородку. Она выглядела нелепо: насмешливо торчащие, короткие тёмно-рыжие иголки походили на катастрофу. Джон постоянно просил сбрить её и не позориться, но тот был непреклонен.

– Что случилось, отец? – нарушил молчание Ричард. – Артур был взволнован, когда передал послание от тебя.

Ричард попытался подавить зевоту, он явно спал, когда Артур его разбудил. Что же, возможно, сын сквозь дрему будет податлив.

– Ничего нового. – Джон ухмыльнулся.

Ричард вопросительно посмотрел на него. В глазах засияло непонимание. Джон покачал головой, упрямый Ричард не всегда был готов оценить его иронию. Если бы Рэйчел была старше, то он бы повесил это бремя на неё, а ещё лучше было бы, чтобы Гарретт был жив. Неисполнимые мечты, горько отравляющие его сознание.

– И я надеюсь, что так всё и останется.

– О чём ты? – Он скрестил руки на груди. – Нельзя же, чтобы война с Регардией длилась вечно. Она истощает нас...

– Ричард, – Джону пришлось поднять голос, – когда ты уяснишь, что эта война вообще не важна, если начнётся Эра Хаоса.

– Она может? Ты уверен?

– Да.

Повисло молчание. Будь здесь Гарретт, он бы сразу понял, что нужно Джону. Слова были лишними, они понимали друг друга без них.

Джон снова вздохнул, посмотрел на сына – на него смотрела Эстель, но без её вечного укора.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

– Что?

– Остановил войну.

– Так ты решил сражаться?

– Нет. – Джон сглотнул. – Я решил проиграть.

– Я не понимаю... Королева никогда не согласится на это.

– Верно, Ричард, верно. – Джон опустил голову.

– Значит... – Пальцы Ричарда нервно застучали по локтям, он сглотнул. – Это значит, что ей придётся умереть.

Сын устался на отца, его взгляд был стеклянным. Джону показалось, что сквозь это стекло он увидел насмешку. Конечно же, Ричард уже давно не мальчишка и всё понимал, хоть смелости ему и не хватало сказать отцу это в лицо. Но вот его глаза. Его глаза не стеснялись, а вываливали всё негодование, что хранилось в сердце. М-да... С Рэйчел было бы проще, она предпочитала закрывать на всё глаза, спрятавшись в своей коробочке после отъезда Генри. А Гарретт? Гарретт бы и это понял, и подарил бы ему прощение. Джон сжал губы, ещё один рывок, и план обретёт плоть.

– Мне нужно, чтобы ты сделал это. Убил Девон... королеву Девон. – Джон поднял на сына глаза. – Только так мы выиграем время, которое крадёт война, и остановим Эру Хаоса.

– Это измена. – Ричард побледнел, но в его глазах не было страха. – Если меня не казнит армия, то это сделают стражи. Ты отправишь меня на смерть?

– На предательство.

– Это одно и то же.

– Во имя жизни ты сделаешь это.

– Но... – Глаза Ричарда заблестели от рвущихся слёз. – Почему я?

– Мне больше некому довериться. – Джон вздохнул.

– Почему не ты?

– Я не могу...

Повисло молчание. Губы Ричарда затряслись, он начал расхаживать из угла в угол, плечи опустились. Джон терпеливо ждал, пока сын соберёт мысли в кучу, разложит по полочкам и

согласится. Без истерик и заламывания рук. Ричард всегда переживал эмоции внутри, не позволяя кому-то увидеть, что творится у него на душе. Этим он походил на Гарретта, и этим он отличался от Рэйчел, готовой снести всех волной чувств. Из-за этого уроки Лето были безуспешны: его дочь не могла освоить йáрму – магию, что позволяла проникать в чужой разум, но требовала предельной концентрации.

Ричард замедлился, сделал ещё пару шагов и замер, стоя спиной к Джону.

– Ты её любишь? – Слова Ричарда ножом пронзили тишину.

Джон грустно усмехнулся. Он не ожидал, что сыну хватит смелости или наглости задать этот вопрос. Ричард никогда не был наглецом. Что же...

– Ты вряд ли хочешь услышать это.

Ричард развернулся, на его лице появилась горькая усмешка, а в глазах зажглись гневные искры. Он крепко сжал руки в кулаки. Даст ли он разгореться им?

– Какой план?

Джон не смог сдержать улыбку – на другое он и не рассчитывал.

Глава 1. Призраки прошлого

Ричард полной грудью вдохнул прохладный воздух – в нём ещё ощущались морозные нотки. Раннее утро до рассвета дарило приятную свежесть, которая пропадала с приходом навязчивых весенних лучей. Весна вступала в свои права. Немудрено, на этой неделе отмечали нэйл... возжигание Предвечного, знаменующее его победу над Нечистым. Ричард усмехнулся – за четырнадцать лет он так и путался, называя паенский календарный праздник, а не регардийский церковный.

Он бросил быстрый взгляд на небо, отмечая, что день в Карнахене обещал быть ясным. Какая удача. Приятная погода была редкостью. Завсегдатаи трактиров считали, что это вина семейства Бишоп, правителей города, которые, по слухам, яшались с демонами и прочей нечистью. Они упорно верили, что Бишопы прокляты, и это проклятие отражалось на погоде. Этим суждениям было несколько сотен лет. Хотя Карнахеном Бишопы руководили не так давно, но древностью могли поспорить с Кроссами, правившими Паенией последнюю тысячу лет, пока не потерпели крах четырнадцать лет назад, и Берриганами, возглавлявшими орден Стражей всё это время, павшими вместе с ними. Ричард усмехнулся, воспоминания уводили его в область, которую он предпочитал обходить стороной. Ведь если ты не смотришь, то можешь поверить, что этого просто нет, а значит, оно не сможет причинить тебе боль.

Он поправил кроваво-красный плащ – знак рыцарей Алой Розы, обязательный предмет снаряжения, – раздуваемый порывами ветра, и пошёл по узким улочкам сонного города. Ричард ненавидел форму: если доспехи с выбитой розой на груди он ещё мог воспринимать всерьёз, то яркий плащ, привлекающий к себе внимание, – нет. Оруженосцам, ожидающим посвящение в рыцари, было проще – они не носили плащи и могли легко затеряться в серости города. Он несколько раз обсуждал форму со своим сенешалем, Кристианом Лоптом, главой ордена в Карнахене, но тот повторял всегда один заезженный, заученный ответ: «Капитан Алой Розы обязан быть на виду». Плащ же символизировал кровавую жертву Предвечного, которую его рыцари чтили денно и нощно. После таких разговоров Кристиан Лопт внимательно смотрел ему в глаза. Взгляд, полный боли, кричал: такой, как Ричард, должен быть на виду, чтобы ни рыцари, ни белые братья не могли усомниться в его преданности Предвечному. К убийце королевы, убийце отца и убийце ордена, которому служил с колыбели и клялся в верности, всегда было повышенное внимание. Взгляды алых и белых братьев, епископа Матйаса были обращены к нему. Все они только и ожидали, когда он оступится.

Настроение испортилось вконец. Будто четырнадцати лет недостаточно, чтобы унять боль и обиды. Долгая жизнь стражей, питаемая сущностью Аэрии, которую они поглощают при посвящении, создана для того, чтобы упиваться своими ошибками и провалами, год за годом прокручивать их в голове и не отпускать. Он зло усмехнулся, понимая, что пора бы вернуться в настоящее.

Ричард остановился и осмотрелся. Ноги завели его в район бедных мастеров – на узкой улочке ютились ветхие ремесленные лавки. Первый этаж отводился под торговый зал и мастерскую, а на чердаках, в холоде и темноте, протекала жизнь сродни выживанию. Редко кто мог выбиться из этого унылого места. Оно напоминало болото, затягивающее и не отпускающее никогда. Чем больше ты трепыхался, тем сильнее увязал.

Не самое плохое место, чтобы испытать работу городского патруля. Такие незапланированные вылазки Ричард практиковал несколько лет. Вначале сенешаль воспринял его идею, как блажь скучающего капитана мирного города, в котором главным происшествием становились пьяные драки в Подстенье или очередные назидания паенских язычников, позволивших себе справлять старые праздники. С каждым годом число отступников снижалось – культура и религия Паении медленно угасали, сменяясь регардийской традицией. Первые годы, после

установления новой власти, прошли в кровавых восстаниях, постоянных стычках алых с паенцами, которые не желали сдаваться. Они не поддавались ни увещаниям барона, ни здравому смыслу. Прощение Предвечного их не прельщало. Те годы, наполненные болью и страданиями, Ричард всегда будет вспоминать с отвращением. Он подавлял бунты, закрепляя звание предателя. В один миг паенцы сдались, словно и не было никаких восстаний, и они не протестовали. Карнахен замер в томительном ожидании, Ричард до сих пор не верил, что они уступили, что Регардия сломила их. Тогда бы это значило, что надежда умерла для всех, не только для него.

Со временем Ричард доказал – ожидание внеплановых проверок держало оруженосцев и рыцарей наготове. С большим рвением они блюли свои обязанности по патрулю. Заодно это подстегнуло и гвардию, подчиняющуюся барону, тщательно прочёсывать город. Проходящая неделя нэйла добавляла им забот, заставляя с удвоенной силой искать тех, кто продолжал упрямо следовать традициям. Будто плетение венков могло посягнуть на власть Предвечного в Карнахене.

Ричард завернул за угол и услышал голоса, сливающиеся в громкий шум, который нарушал умиротворённость утра. Он прибавил шаг, рука инстинктивно потянулась к эфесу меча, висящего на поясе. Этот гвалт ему совсем не нравился. Мощёная брусчатка, покрытая замёрзшей грязью, вела его в сердце района. Ричард повернул и очутился на небольшой площади, на которой полукругом располагалось несколько лавок. У аптечной – столпились люди. В спорящих он сразу же узнал патруль алых – оруженосцев в чёрных сюрко с розой и рыцаря, разгоняющего серость утра красным плащом – и гвардейцев барона, в серых плащах с гербом города – восстающим котом, ловящим ласточку. Под их ногами лежал свёрток, закутанный белой простынёй. Поражал его размер – ровно с человека. Сердце пропустило удар. Понимание ситуации приближалось с задержкой, будто ум отказывался принимать даже возможность, что это мог быть труп, а в Карнахене произошло убийство. Ричард подошёл и уставился на свёрток, в котором угадывались изгибы тела. Сомнения рассеялись.

– Что здесь происходит? – спросил он, оглядывая присутствующих.

Среди ярых спорщиков он увидел Уильяма Левро́на, рыцаря Розы, возглавляющего патруль, и Беатрис Бишоп, гвардейца барона и по совместительству его старшую дочь.

– Мы патрулировали улицы, – начал рассказ Уильям, – когда на нас налетел аптекарь. Он был в ужасе. Не мог ничего объяснить, только тащил меня за руку. – Он задумался и взъерошил непослушные, короткие тёмно-каштановые волосы. – Аптекарь привёл нас...

– У него, вообще-то, есть имя, – перебила Беатрис; в её тёмно-зелёных глазах кипела ярость.

– Это несущественно для Ричарда. – Уильям ехидно скривился, отмахиваясь от неё.

На бледной коже Беатрис проступил алый румянец, она крепко сжала кулаки. Ричард вздохнул – избежать спора не выйдет.

– Вы, рыцари, служите людям. Если не забыли. – Беатрис задумалась, вспоминая; Ричард отметил, как её пухлые губы задрожали. – И даровал Предвечный своим белым служителям алое войско для защиты детей своих. Так гласит Белая Книга. – Она довольно вскинула голову.

– Вот именно. Детей, разделяющих веру в него. – Уильям усмехнулся. – Мы служим Белой Розе и Предвечному, – не дав Беатрис возразить, он продолжил: – Мастер Джонатан, – раздражённо бросил он, сдаваясь, – притащил нас в свою лавку. Мы поднялись на чердак и нашли его подмастерье, – носком сапога он ткнул в сторону тела, – Коннор Ли́ассер, двадцати лет.

– Как он умер? – Ричард посмотрел на свёрток.

Уильям и Беатрис переглянулись и пожали плечами. Ричард подошёл к телу, присел на корточки и отбросил простыню. Под ней оказался миловидный юноша с мягкими чертами лица, которые омрачали два чёрных пятна на месте глаз. Ричард снял массивную перчатку, обнажая руку, и дотронулся до кожи. Он очертил овал, на ощупь кожа напоминала корку на

сгоревшем хлебе, готовую рассыпаться в пепел. Закончив, он осмотрел пальцы – на них остались следы сажи, которая поблёскивала, как будто в ней притаились металлические крупы. Он поднёс их к носу и учуял запах, напоминавший приторную сладость горного мёда. Ричард быстро осмотрел тело, видимых повреждений не нашёл. Внутри всё сжалось, догадка, первая пришедшая на ум, беспокоила.

– Мастер Джонатан видел убийцу? – спросил он.

– Нет, – ответила Беатрис, заворожённо смотря на Коннора.

– Он нашёл его уже ледяным, – сказал Уильям. – И ничего не слышал. Я думаю, это подозрительно. – Он скрестил руки на груди.

– Ну конечно! Он убил его, а потом побежал искать рыцарей Алой Розы, чтобы показать труп. – Беатрис усмехнулась. – Что же он сразу не признался? Сэкономил бы нам время.

– Нельзя отрицать возможность...

– Я так не думаю. Аптекарь не мог вытянуть сущность, – заметил Ричард.

– Что? – одновременно произнесли Уильям и Беатрис, уставившись на него.

– Такие раны, – он указал на глаза, – могут быть только от вытянутой сущности. Стражи изучали это...

– Сущности? – Беатрис вскинула руки. – Но зачем это?

– Чтобы создать Глаз Безликого...

– И начать Эру Хаоса? – Уильям усмехнулся. – Серьёзно? Ричард, очнись, Церковь Розы отрицает саму её возможность.

– Она и смешение сущностей отрицает и карает, но, как видишь, я живу с Аэрией внутри. И я такой не один...

– Это не повод для гордости, – Уильям хмыкнул, – а кощунство.

Их взгляды пересеклись. В серых глазах Уильяма Ричард не нашёл ни презрения, ни вызова, только спокойную уверенность.

– Что такое Эра Хаоса? – спросила Беатрис.

– Конец света у паенцев. – Уильям покачал головой. – Предание их многобожия...

– То, о чём ты говоришь, сумерки мира, – перебил его Ричард, – а Эра Хаоса вполне себе реальна...

– Это епископу решать.

– Конечно. – Ричард усмехнулся. – Мне нужно осмотреть место преступления. Мастера Джонатана вы опросили?

– Это сделали мои люди, – сказала Беатрис.

– Уильям, сделай это ещё раз. Узнай всё про Коннора...

– Ричард, ты не можешь вмешиваться в дело гвардии. – Беатрис скрестила руки на груди, на щеках появился румянец, а глаза воинственно загорелись.

– Это решит Совет Карнахена. – Он прямо посмотрел на неё. – Я старший по званию, так что сейчас гвардия подчиняется мне, но ты можешь присоединиться.

– Очень великодушно. – Она ехидно усмехнулась.

– Лиам и Пол отнесут тело в Больницу Кёррика, а остальные прочешут окрестности. Ищите всё подозрительное.

Оруженосцы и гвардейцы одновременно закивали и принялись быстро осуществлять приказ Ричарда. Он же направился в сторону аптеки, а Уильям и Беатрис поплелись за ним.

Уильям остался на первом этаже опрашивать свидетелей. Ричард и Беатрис поднялись на чердак, где Коннор снимал угол – небольшую выделенную комнатку под самым скатом крыши. Напротив жил мастер Джонатан. Как он мог не слышать, что рядом убивали Коннора?

Если только тот не накладывал заглушающее заклятие. К сожалению, после смерти Коннора этого не узнать – если чары и были, то они уже рассеялись.

Ричард нагнулся, чтобы протиснуться в дверь. Беатрис его неудобства явно забавляли, она позволила себе несколько раз прыснуть от смеха. Ожидать чего-то другого от «принцессы гвардии», как за глаза называли Беатрис, он не мог. Ей только недавно исполнилось двадцать пять лет, и за время, что она была в гвардии, недолгие три года, в Карнахене не происходило ничего серьёзного. До этого утра.

Комната Коннора встретила их подчёркнутой неприязнностью и отчаянием. Вдоль стены валялся матрас с подушкой и покрывалом, а рядом с ним в углу стояло два ветхих сундука; повсюду были разбросаны огарки и исписанные клочки бумаги. Ричард с трудом представлял, как кто-то мог вообще здесь жить. Или Коннор просто существовал? Но у него же была цель? Искра надежды, которая держала в этом мире, не давая сорваться в Бездну Нечистого. Он присел у одного из сундуков и открыл – внутри оказалась одежда Коннора: несколько тёмно-серых рубашек, сменные брюки, исподнее. Ричард доставал вещь за вещью и клал на спальный мешок, пытаясь добраться до дна. Беатрис принялась опустошать второй сундук, краем глаза Ричард увидел, что ей повезло больше – он был набит бумагами и книгами Коннора. Она аккуратно доставала каждый предмет, бегло листала и откладывала в одну из стопок. Когда она задерживалась на особо интересном тексте, прикусывала нижнюю губу, не замечая ничего вокруг.

Добравшись до дна, Ричард разочарованно вздохнул – вещей, способных рассказать историю Коннора, он не нашёл. Одни поношенные тряпки, не раскрывающие ни его привычек, ни занятий. Ричард подполз к стопке с книгами и взял верхнюю.

– Там ничего интересного, – сказала Беатрис, отложив последние бумаги.

Он поднял на неё глаза, она хмурилась, размышляя, походя на избалованного ребёнка, у которого отобрали игрушку, а он не решил, как на это реагировать. По службе они пересекались редко, в основном их мимолётные встречи проходили на мессах в церкви Белый Шпиль, когда Беатрис, облачённая в благочестивое белое платье, в окружении своей многочисленной семьи, восседала в ложе Бишопов, а он подходил почтить её отца – барона Карла Бишопы, пройдохи, ухитрившегося сохранить власть в своих руках после захвата страны Регардией. В такие моменты она смиренно кивала ему – сама добродетель, – но в её глазах улавливались лукавые нотки, скрывающие тайну. Ричард предпочитал не замечать такого внимания. Оно сулило неприятности, граничащие с казнью. Если барон и оберегал что-то в своей жизни помимо Карнахена, то это были его дети, особенно дочери.

– Здесь есть любопытные экземпляры, – сказал Ричард листая. – Вот эта, например, посвящена Аэрии и её устройству.

– Аэрии? – Беатрис уставилась на него. – Автор там бывал? Это вообще возможно?

– Путешествие в Аэрию? Возможно, но нежелательно. Стражи всегда придерживались мнения, чем меньше наш мир взаимодействует с Аэрией или Зартари, тем безопаснее.

– Но такие путешествия всё же были? – Она наклонилась к нему, близость стала совсем невыносимой; в нос ударил запах вербены, сладкий с лимонными нотами.

– Были... Я думал, что дочь барона более искушена в образовании, чем простолюдины.

– Отец предпочитает практические знания.

– А все абстракции отбросить?

– Абстракции погубили стражей, разве нет?

Зелёные глаза впились в него, в них читался вызов и нескрываемое любопытство. Конечно же, он ведь причина краха ордена в Паении. Ричард вздохнул, откладывая книгу.

– Возможно, мы упускаем, что у него был тайник...

– Здесь? В тесноте? Хм... – Беатрис задумалась.

Она развернулась, задев рукой Ричарда, и на четвереньках стала простукивать пол. Его поразила непринуждённость, с которой Беатрис взялась за поиски. Неужели работа в гвардии это не прихоть отцовской любимицы? Она тщательно простукивала доски. Он ухмыльнулся, подвинулся к матрасу и стал его прощупывать, в поисках шва. Должно быть место, которое часто вспарывают и зашивают, которое хранит секреты. Матрас в келье Ричарда имел такую тайну, пряча Кодекс Стражей, переписанный рукой его сестры. Это была единственная вещь, протягивающая хлипкий мост в прошлую жизнь. Сентиментальная фраза – «любимому брату» – не позволила ему избавиться от обличительной и постыдной книги. Если кто-то нашёл бы её, то это сулило Ричарду большие проблемы.

Он улыбнулся, найдя небрежный шов, снял с пояса кинжал и распорол ткань – на пол посыпалась солома. Ричард протянул руку в дыру и стал ощупывать содержимое. Здесь точно что-то должно быть. Он почувствовал кожаную обложку и довольно ухмыльнулся, но момент его торжества был прерван – Беатрис вскрикнула. Ричард резко повернулся к ней.

– Я нашла тайник. – Она рассматривала правую ладонь.

– Почему закричала?

– Я поранилась, пока тянула доску. – Она пожала плечами, поднесла палец к губам, чтобы остановить кровь.

– Нужно обработать рану, – сказал Ричард. – Что-то нашла?

Придвинуться к тайнику в углу комнаты он не мог, там и для Беатрис оставалось мало места.

– Какой-то кувшин.

Беатрис достала из-под половиц полностью чёрный, непрозрачный, вытянутый сосуд, напоминающий амфору. В глянцевой, отполированной поверхности отражались они. Беатрис, держа кувшин за ручки, оплетённые искусно сделанным плющом, покрутила его и остановилась, заметив символ.

– Тут отекающий круг, а внутри множество пересекающихся линий. Как будто на пальцах натянули нити. – Она подползла к нему. – Ты узнаёшь?

– Нет.

– Надо открыть.

Ричард не успел перечислить все доводы, почему это опасно, как Беатрис потянула крышку на себя. Она резко поддалась, Беатрис не рассчитала сил и упала на спину, держа её в руках. Из кувшина повалил густой бордовый туман прямоком в её глаза.

– Бездна, как же жётся, – простонала она, отгоняя от себя дым.

Ричард подполз к ней со спины и схватил за руки, не давая прикасаться к, как он предположил, сущности.

– Беатрис, не двигайся!

– Что... это?... – сквозь зубы выдавила она.

Беатрис перестала дёргать руками, но всё ещё пыталась увернуться от тумана, отклоняясь то вправо, то влево.

– Сущность... Возможно, Зартари...

– И?... – Она снова вскрикнула.

– Это похоже на ритуал стражей...

– Бездна, Ричард... как же больно!

– Не дёргайся. – Он старался говорить спокойно, но внутри всё тряслось. – Твоё сопротивление причиняет боль... Успокойся и отдайся ей.

– Тебе легко... говорить.

– Я вбирал сущность.

– Разумеется.

– Ты сейчас потеряешь сознание... Не бойся, я рядом и облегчу твоё состояние.

Беатрис буркнула себе под нос и обессиленно упала ему на грудь. Туман полностью перешёл в неё. Убедившись, что сущность больше не течёт из кувшина, Ричард аккуратно подхватил Беатрис под руки и переложил на матрас. Он снял поясную сумку, открыл её в поисках нюхательной соли. Она могла помочь Беатрис быстрее прийти в себя.

Сердце Ричарда колотилось, а где-то на задворках разума блуждала шальная мысль, что он должен немедленно сообщить о случившемся в Белую Розу. Принятие сущности нарушало все правила, установленные в Паении Регардией, и каралось смертью. Для него сделали исключение, для Беатрис – вряд ли.

Отбросив все сомнения, Ричард выудил баночку с нюхательной солью. Он крепко сжал её и обернулся к Беатрис. Она ворочалась в постели и что-то невнятно шептала. Ричард прикоснулся к её лбу – тот горел. Он открыл баночку, поднёс к её носу и безмолвно молил, чтобы она скорее пришла в себя. Он чувствовал, как мгновения растягиваются, а сердце бешено колотится. Ричард неустанно смотрел на Беатрис, ловя каждое её неосознанное движение: она хмурилась и покачивала головой из стороны в сторону. Он выдохнул – смерть ей не грозила. Соль действовала.

Беатрис резко распахнула глаза, поднялась и скривилась от боли, начала растирать виски.

– Ты как? – спросил Ричард.

– Голова раскалывается, – шурясь, ответила она. – Что случилось? Я помню какие-то отрывки...

– Ты поглотила сущность. – В её глазах вспыхнул страх. – Не пугайся, это тебя не убьёт.

– Разумеется, это сделает епископ с алыми.

Она подтянула к себе ноги, обхватила их и прикусила губу. Взгляд уставился вперёд, в одну точку, не желая ничего замечать вокруг. Ричард хотел положить руку ей на плечо, но передумал. Ему нельзя пересекать черту в их отношениях.

– Они сделают это, если узнают.

Беатрис медленно повернула к нему голову, в глазах читалось недоверие. Он продолжил:

– Если ты не будешь кричать об этом на каждом углу, то никто, – он выделил слово, – не узнает.

– Ты не скажешь? – Она хмурилась, над переносицей залегла глубокая бороздка.

– Нет, и тебе не советую. – Он мягко улыбнулся.

Видимо, улыбка вышла вымученной, Беатрис лишь усмехнулась.

– Что ты хочешь от меня?

– О чём ты? – Ричард от удивления нахмурился; его никогда не спрашивали, что он хочет.

– Плата. Ты не можешь делать это просто так, – с нажимом сказала она.

– Ты не доверяешь мне?

Беатрис снова усмехнулась и с издёвкой посмотрела на него.

– Я вообще не уверена, что в Паении есть кто-то, кто доверял бы тебе, Ричард.

– Будешь первой. – Он ухмыльнулся, Беатрис закатила глаза. – Если кто-то узнает, что я тебя покрываю, то казнят нас обоих.

– И не посмотрят, что ты капитан Алой Розы?

– Конечно.

– Ладно. Считаю – убедил. Что со мной будет?

– Сложно сказать...

– Ты отлично умеешь успокаивать, Ричард.

– Мы не знаем, что это за сущность...

– Разумеется... Ты точно уверен, что это не сущность Аэрии?

– Уверен.

– Сделаешь меня стражем?

– Нет. Страж – это не просто поглощённая сущность.

- Что же тогда? – Беатрис усмехнулась.
- Годы тренировок и принятие философии. «Во имя жизни» – больше чем девиз. Это образ мыслей, твоя суть...
- Она нервно засмеялась.
- Прости. – Беатрис подняла руки в примирении. – Но из твоих уст звучит лицемерно. Ты всё-таки предал эту самую суть.
- Он покачал головой, пропуская её замечание.
- Я научу тебя, чему мы... стражи учили Кроссов, когда те принимали сущность. Этого должно хватить...
- Откуда ты это знаешь?
- Меня готовили стать магистром... – Ричард заметил, как уголок губ Беатрис дёрнулся в усмешке. – Неважно. Ты чувствуешь внутренний голод?
- Что? – На её лице отразилось непонимание.
- Голод, пронизывающий и застилающий твоё сознание. Он может появиться позже. Ты будешь желать чего-то, не понимая, что именно ты хочешь. Ты будешь пытаться утопить голод в вине, потом в блюде, а когда и это не поможет, ты будешь искать утешение в крови. Вначале это будут преступники, отбросы общества, но этого станет мало, этого всегда становится мало, поэтому дальше пойдут невинные...
- Зачем ты это всё рассказываешь мне? – Беатрис сглотнула.
- Чтобы ты уяснила, что мы обязаны доверять друг другу. Так как ты себя чувствуешь?
- Ты пугаешь меня. – Она нервно усмехнулась, Ричард нахмурился. – Голова идёт кругом и немного тошнит. – Она задумалась. – Это точно всё... Стражи всегда чувствуют этот голод? – Её зелёные глаза уставились на него.
- Нет, но мы и не поглощаем живые сущности.
- Тогда зачем ты это рассказал?
- Ты должна быть готовой даже к такому.
- Я в порядке, – повторила она, не сводя с него взгляда, и побледнела ещё сильнее.
- Отлично. Ты сиди, а я продолжу осмотр.
- Беатрис подтянула к себе ноги и положила голову на колени, наблюдая за ним. Ричард вернулся к дыре в матрасе и выудил записную книжку в кожаной обложке. Он повернул её и увидел вытисненного феникса с распростёртыми крыльями, сглотнул, открыл книжку, пролистал страницы – кое-где угадывались нечёткие начертания слов, но разобрать их было невозможно – и нахмурился.
- Что там? – спросила Беатрис.
- Я не уверен... Видимо, Коннор был как-то связан со стражами.
- Стражами? – глаза Беатрис округлились.
- Посмотри на обложку...
- Ричард прервался, входная дверь отворилась, и в проходе, сгибаясь, появился Уильям. Внимательным взглядом он окинул их, Ричард сглотнул, надеясь, что они не могли ничем выдать себя.
- Ну, и дыра, – сказал Уильям оглядываясь. – Что-то нашли?
- Ричард думает, что Коннор был связан со стражами, – выпалила Беатрис.
- Стражами? – Уильям усмехнулся. – Разве их не всех порешили в Паении четырнадцать лет назад?
- Не всех стражей убили, – сказала Беатрис и бросила быстрый взгляд на Ричарда, который не мог скрыться от Уильяма.
- Ну, да. – Он усмехнулся. – Остатки бежали как крысы в Империю. Так он был связан с ними.
- Этого мы ещё не поняли. – Ричард скрестил руки на груди.

– Мы нашли книги про Аэрию, – перебила его Беатрис. – Коннор что-то изучал. Разумеется, это нужно выяснить.

– Так он мог быть стражем? – Глаза Уильяма заблестели; этот блеск не понравился Ричарду. – Тогда многое становится понятным.

– Что именно? – спросил он.

– Он мог изучать сущности и по глупости вытянуть её из себя. – Уильям потёр руки. – Тогда это самоубийство.

– Я не думаю, – прервал его Ричард. – Нужно изложить всё Совету. Они решат, что с этим делать.

– Убийство перед приходом пророка Предвечного выглядит паршиво, – подытожил Уильям.

– Списанное на самоубийство убийство – ещё хуже.

Уильям пожал плечами. Его серые глаза ничего не выражали, он посмотрел на Беатрис и прищурился.

– С тобой всё в порядке? – обратился он к ней.

– Разумеется. – Беатрис вздёрнула нос вверх, выражая недовольство.

– Ты что-то выяснил у аптекаря? К Коннору приходил кто-то в эту ночь? – спросил Ричард.

– Нет, мастер Джонатан ничего не видел и не слышал.

– То есть к нему в дом проникли люди, а он даже не шелохнулся? – Беатрис напряглась, глаза сузились.

– Вот и я об этом. – Уильям расплылся в довольной ухмылке.

– Коннор, возможно, наложил заклинание на комнату, поэтому мастер Джонатан ничего не услышал, – сказал Ричард.

– Только чтобы подтвердить твою версию, капитан. – Уильям осмотрелся. – Что это? – Он кивнул на кувшин.

– Кувшин...

– В нём что-то было? – перебил Уильям. – Вы его открыли?

– Он пуст. Его мы тоже заберём. – Ричард подошёл и взял кувшин. – С осмотром мы закончили.

– Отправимся к Совету? – Уильям скрестил руки на груди и ухмыльнулся.

– Да, и с этим лучше не затягивать.

Ричард сгрёб все записи Коннора и убрал их в свою сумку. Беатрис поднялась следом, Уильям усмехнулся, наблюдая за ними. Его взгляд встретился с Ричардом. На миг ему показалось, что Уильям хотел что-то добавить, но удержался. Его право.

Кто бы мог подумать, но собрать барона Бишоп, сенешаля алых и епископа Белой Розы вместе, оказалось довольно простой задачей. Не каждый день в Карнахене происходят необъяснимые убийства, тем более перед приходом пророка Предвечного.

Они собрались в зале внутренних заседаний, где барон обычно принимал просителей. На высоком помосте возвышался стол, за которым восседали главы города, как небожители, недоступные смертным. Весь зал был выполнен так, чтобы любой проситель ощущал никчёмность своего существования и трепет перед властью имущими. За тронами на стене висело три герба: в центре Карнахена – восстающий чёрный кот, ловящий ласточку, на изумрудном фоне; слева – алая роза на чёрном; справа – белая на золотом. Ричарда всегда забавляло, что, несмотря на чёткое правило Регардии по расположению гербовых щитов и рассадки членов совета, барон с епископом занимали места друг друга, подчёркивая, что Бишоп подчиняется Церквю.

В Регардии власть была сосредоточена в руках главы Белой Розы – архиепископа, управляющего Церковью. Ему же подчинялась Алая Роза – рыцарский орден, охраняющий порядок в стране. Области контролировались епископами, которым помогали наместники, разбирающиеся в хозяйственной жизни региона. Чтобы сохранить толику власти, барон Бишоп подавил восстания в захваченной Паении.

Ричард бросил быстрый взгляд на Беатрис, пытаясь понять, может ли её внешний вид выдать их секрет. Её кожа была бледнее обычного, но это могли списать на усталость после патруля. Взгляд скользнул на Уильяма, Ричард отметил его самодовольную ухмылку, будто он уже раскрыл дело, а Совет – пустая формальность. Ричард посмотрел на помост. Совет возглавлял епископ Матиас, шестидесяти лет, сутулый, с седыми длинными волосами, собранными в высокий хвост, и маленькими бесцветными – то ли серыми, то ли голубыми – глазами, которые как вездливые пиявки утыкались в собеседника. Он был полноват, в белой рясе до пола, походил на облако, вечно готовое превратиться в грозовую тучу, посылающую молнию в случайных прохожих. Слева от епископа сидел Кристиан Лопт, сенешаль Алой Розы и командир Ричарда. Справа – барон Карл Бишоп, отец Беатрис. Обоим мужчинам было около пятидесяти, и, в отличие от епископа, они держали тело в форме. Зелёные глаза барона столкнулись со взглядом Ричарда, на его лице отразилась тень любопытства, которую он не стал скрывать. Барон потянулся, не сводя с него глаз, и заговорил первым:

– Мы, вероятно, можем начать, Матиас.

– Итак, – произнёс епископ Матиас, скрещая пальцы в замок и подаваясь вперёд, нависая над ними, – что вам удалось выяснить?

– Убит Коннор Лиассер, подмастерье аптекаря, – сказал Ричард. – У него вытянули сущность.

В зале повисло молчание, епископ и сенешаль переглянулись, барон ухмыльнулся.

– Во имя Предвечного, как это возможно! – Епископ сорвался на нервный крик и покраснел.

В голове Ричарда пронеслась мысль, что сейчас разразится гроза.

– Как кто-то вздумал вытягивать сущность. Это возмутительно, – не унимался епископ.

– Улики указывают на это, – сказал Ричард. – Если кто-то занялся этим, то он, вероятно, делает это, чтобы создать Глаз Безликого и приблизить Эру Хаоса.

Епископ уставился на него, глаза сузились ещё сильнее, желая испепелить Ричарда. Не в первый раз.

– Эра Хаоса – это сказка, которую придумал Дерек Кросс, а затем подхватили стражи, чтобы держать власть в своих руках, – каждое слово епископа было наполнено желчью, и казалось, что он выплёвывает их, – и столетиями обманывать простой люд. Предвечный отрицает саму её возможность. Как ты, Ричард, являясь нашим капитаном, мог допустить мысль об Эре Хаоса?

– Потому что я не привык закрывать глаза на факты?

Епископ покраснел, его щёки и ноздри раздулись. Казалось, что он сейчас лопнет от возмущения. Нижняя губа дёргалась, он судорожно пытался подобрать слова, чтобы обличить своё негодование. Ричард заметил, как сенешаль Кристиан Лопт покачал головой и вздохнул. Он всегда просил его быть гибче с епископом, чтобы праздно не вызывать на себя гнев.

– Коннор был связан со стражами, – вмешался Уильям, делая шаг вперёд.

Ричард попытался схватить Уильяма за руку, но тот ловко увернулся. Он ставил под сомнение авторитет Ричарда и прекрасно это понимал. Что он удумал? Епископ перевёл свой взгляд с Ричарда на Уильяма, ожидая, что тот ещё скажет. Это придало ему уверенности, он расправил плечи и заговорил:

– Ричард утверждал, что стражи занимаются изучением сущностей. В комнате Коннора мы нашли книги про Аэрию. Поэтому логично предположить, – он посмотрел внимательно

на епископа, – что Коннор погиб при проведении какого-то опыта. Явно неудачного. Раз так, то вероятнее самоубийство, а не убийство, я полагаю, поэтому дело можно закрыть. И это не омрачит приезд пророка. – Уильям робко улыбнулся.

Ричард усмехнулся, наигранность Уильяма поражала, но это они обсудят после.

– Вытягивать у себя сущность – вершина глупости, – сказал Ричард. – Я в жизни не поверю, что тот, кто изучал сущности, сделал бы это.

– Но поверишь в Эру Хаоса? – спросил епископ. – Мне нравится версия Уильяма. – Он поднялся со своего трона. – Можем закончить совет. Вердикт – Коннор покончил с собой.

– Появление стражей в городе – не проблема?

– Не думаю. – Епископ махнул рукой. – Ты же не доставляешь нам неприятностей. Почти. – Он бросил на него презрительный взгляд.

– Если Коннор связан со стражами, – вмешался Кристиан Лопт, – то нужно понять, он работал один или с сообщниками. Это дело не может быть таким однозначным, Матиас.

– Кристиан, ты, как всегда, излишне драматизируешь, – протянул епископ и замаялся, не понимая сесть ему или продолжить стоять. – Уильям говорит здравые вещи, его разум не замутнён стражескими предрассудками. – Он вздохнул и плюхнулся на трон. – Что, милочка, ты думаешь об этом? – он неожиданно обратился к Беатрис.

Ричард заметил, как на словах епископа плечи Беатрис дёрнулись, ничего более не выдало её смятения.

– Что это дело нужно расследовать. – Она опустила взгляд на мраморный пол.

– Я не ослышался?

Беатрис покачала головой, епископ скривился.

– Что ж... – Он постукивал по подлокотникам. – Голосуем. Мой вердикт – самоубийство. Кто поддержит?

– Нам надо провести расследование, – сказал Кристиан Лопт, – чтобы исключить возможность появления стражей и Эры Хаоса.

– Эры Хаоса? Я напишу письмо архиепископу, если ещё раз услышу про неё, – епископ усмехнулся. – Карл, что ты думаешь об этом? Ты на удивление был молчалив...

Все взгляды обратились к барону, который не преминул воспользоваться моментом, привлекая к себе внимание.

– Я поддержу нашего капитана. Лучше провести расследование и убедиться, что это домыслы, чем пустить всё на самотёк. Вряд ли пророк обрадуется, если узнает, что мы пренебрегли опасностью в канун возжигания Предвечного.

– Какая глупость! Но голосование есть голосование. – Он поднялся. – Вы трое займитесь расследованием, Ричард возглавит его. Совет окончен, – епископ махнул рукой, завершая любые препирательства.

– Почему, Уильям, ты так настаивал, что это самоубийство? – спросил Ричард, когда вечером после утомительного дня они остались наедине.

Ричард и Уильям сидели за столом на кухне в казармах Алой Розы. Перед ними стояли миски с сероватой массой, гордо именуемой овощной похлёбкой с ячменной крупой, и кружки с водой. Кружка эля могла бы скрасить безвкусную жижу, но в пост перед возжиганием алкоголь был запрещён, как и мясо. Хоть и поговаривали, что епископ Матиас не отказывал себе в поедании улиток. Нарушал ли он заветы? Об этом мог судить только Предвечный.

Комнату освещали тусклый свет от лампы, стоящей перед ними, и огонь в печи, где томился котёл с бесподобной бурдой. В полумраке Уильям, медленно поглощающий пищу, выглядел загадочным и таинственным.

– Я правда думаю, что это самоубийство. И оно не стоит наших времени и сил. – Он отхлебнул из кружки.

– Наш долг оберегать...

– Это в тебе говорит страж, – перебил его Уильям, серые глаза уткнулись в Ричарда. – Лучше отбрось эти идеи. Они не доведут до добра.

– Я уже давно не страж.

– Уверен? Хорошо, если так. – Уильям отправил ложку в рот и скривился. – Если Беатрис не было бы с нами, барон в жизни не проголосовал бы за тебя. Ты это понимаешь?

– Но проголосовал. Мне хватит этого.

– Чтобы пытаться остановить Эру Хаоса? – Уильям усмехнулся. – Ладно. Лучше расскажи, что между вами было в той дыре? Беатрис выглядела как-то странно.

– Ничего.

– Совсем? – Он расплылся в улыбке, ожидая подробностей. – Мне всегда казалось, она что-то к тебе чувствует, и это не только уважение.

– Не глупи, это невозможно.

– Потому что ты держишь обет?

– Откуда ты... – Ричард уставился на Уильяма.

– Белые болтают всякое... скабрёзное. – Его глаза засияли. – Ты когда-нибудь был влюблён?

– Думаю, да. – Ричард нахмурился.

– Ты думаешь? Или да? – Уильям хитро улыбнулся.

– Никогда бы не подумал, что ты любишь собирать сплетни.

– Конечно. А кто отпирается, тот врёт. – Он пожал плечами. – Ты бы попробовал, много полезного можно узнать.

– Например?

– Поговаривают, что пророк чуть ли не святая, способная видеть будущее и излечивать болезни. Вот и посмотрим.

– Ты считаешь, что нет?

– Не знаю. – Уильям пожал плечами. – Говорят, она слепая. Это и порождает всякие досужие домыслы.

– Но она объявлена пророком. Значит, архиепископ подтвердил, что с ней говорит Предвечный.

– Возможно. Не знаю. Ты когда-нибудь видел настоящее чудо?

– Смотря что относить...

– Вот и я об этом. – Уильям уткнулся в тарелку.

– Что это был за спектакль на Совете?

– Ты о чём? – Уильям закинул ложку похлёбки в рот.

– Ты разыграл целый спектакль для епископа, уверяя его в своей версии.

– Считаешь, что это было наигранно? Я слишком драматизировал? Сейчас я достаточно серьёзен? – Уильям менял тон для каждой фразы. Закончив, он ухмыльнулся и спросил: – К чему этот вопрос?

– Никогда не замечал за тобой тягу к театральным приёмам.

– Может, мне не предоставлялось случая ими похвастаться. В детстве я играл в церковном театре. Монахини говорили, что я был хорош. – Он уставился на Ричарда и поднял руки в примирении, закрывая тему. – Что будем делать дальше?

Ричард выдохнул, этот разговор утомлял.

– Завтра с утра навестим Больницу Кирика, чтобы получить результаты вскрытия, потом изучим бумаги Лиассера.

– С помощью тайн стражей? Как удобно. – Уильям залпом осушил кружку. – Ладно, я спать. Не засиживайся. – Он подмигнул ему, встал, подхватил посуду и ушёл.

Ричард глубоко вздохнул, пытаясь осознать, что стражи делали в Карнахене, и как это было связано с Эрой Хаоса. Могло ли? Мысли путались, а внутренний голос упрямо молчал, будто боялся обличить в слова предположения. Неужели то, чего он ждал столько лет, началось. Он не мог в это поверить. Ричард отхлебнул из кружки. Ночь обещала быть долгой. И точно не одна.

Глава 2. Пробуждение

«Проснись», – прошептал низкий горловой голос. Невыносимая режущая боль в голове, как вспышка, озарила его сознание, пронзая сотней мечей разом. Он глубоко вздохнул. Взгляд уткнулся в пробитый потолок, сквозь который медленно падал снег, и опустился на крепостную стену, из которой торчал эфес меча.

– Где я?

Он попытался подняться, чтобы осмотреться, но тело не слушалось, словно его придавило валуном. Что с ним? Кто он?

– Я?..

Лёгкая дрожь пробежала по всему телу, удары сердца заглушали порывы завывающего ветра.

– Кто я?

Вопрос вытягивал жизнь. Истощал. Он схватился за голову.

– Кто я? – Ответа нет. – Кто я?

Вспышка боли. Почему? Он сглотнул, попытался подняться на локтях. Ощущения возвращались в руки, он опёрся на них и осмотрелся. Неподалёку лежали местами треснувшая массивная колонна и сугробы. Рядом с ним – обломки, возможно, потолка. Сам же он находился в центре помещения. Что это за место?

– Я упал со стены? Но разве я выжил бы? – тихо спросил, смотря вверх.

Он опешил. Как он оказался здесь? Почему он здесь? Нужно подняться. Опёршись на один из обломков, он попытался выпрямиться. Ноги затекли, словно не двигались несколько десятков лет. Но разве это так?

– У меня получится... – стиснув зубы, сказал он.

Тело протестовало против каждого движения, каждого вдоха, молило сдаться. Но он был не согласен. Ещё один рывок – у него получится. Но кто он? Эта мысль сбивала ритм, руки сильнее задрожали, а ноги заскользили и предательски подогнулись. Он распластался на полу. Ветер завыл с новой силой и поднял снег, который обрушился на него колючими хлопьями. Он вновь уставился на стену и эфес меча.

– Я... Кто я?

Сглотнув и облизав сухие губы, он ощутил невыносимую жажду. Воды? Странная пустота охватила его, словно нутро требовало какой-то силы, какой-то энергии. Если дать ей волю, то она поглотит всё вокруг вместе с ним. Что это? «Не поддавайся», – прошептал низкий тягучий голос. Что? Он приподнялся и осмотрелся. Никого.

Он мотнул головой и поднялся в полный рост. Ноги дрожали, словно отвыкли держать его вес. Он посмотрел на закованные в сталь руки – перчатки – и краем глаза заметил коричневый предмет, припорошённый снегом. Походная сумка? Немного пошатываясь, но сохраняя равновесие, он медленно и осторожно побрёл к ней. Он поднял сумку и отряхнул от снега.

Пальцы скользнули внутрь и нащупали что-то твёрдое. Фляга. Он извлёк её и резко потряс, надеясь, услышать всплеск воды. Но она была пуста. Чего он ожидал? Утолить жажду. Но что это за жажда? Ощущение вновь нахлынуло, ему показалось, что пустота желает наполниться. Чем? Кем? Пальцы разжались – фляга упала на пол с гулким стуком.

– Я...

«Ты – будущее», – раздался знакомый голос.

– Что?

Рассеянно посмотрев по сторонам, он мотнул головой, поднял флягу и перекинул сумку через плечо. Ощущение исчезло, так же резко, как и появилось. Нужно найти воду. Нужно вернуться отсюда.

– Стоит ли взять меч? – Он посмотрел на стену и торчащий эфес.

Оружие может быть полезным. Он сделал шаг, второй и заметил подвеску, выглядывающую из сугроба. Он поднял её и осмотрел: серебряная цепочка, на которой крепился тусклый розовый кварц, напоминающий чем-то глаз. Она принадлежит ему или уже давно валяется в этих развалинах? Он разочарованно покачал головой и тяжело вздохнул, понимая, что не сможет найти ответ на этот вопрос, впрочем, как и на остальные. Закончатся ли они? Он положил подвеску в сумку и направился к каменной арке, уводящей прочь из здания.

Каждый новый шаг становился всё увереннее, ему удавалось сохранять равновесие и темп, несмотря на лёгкое пошатывание и дрожь в ногах. Лучи солнца пробивались сквозь трещины и щели коридора, разгоняя тени и подсвечивая падающие снежинки. Впереди замаячил дверной проём, а за ним – неизвестность. Что его ждёт там? Он сглотнул и переступил порог, проваливаясь ногой в неглубокий снег. Холодный ветер приятно освежал лицо и трепал длинные чёрные волосы, падающие на глаза. Он убрал их и сделал ещё шаг вперёд, осматриваясь по сторонам. В центре крепости особняком стоял прямоугольный донжон, казавшийся мёртвым. Его окружали полуразрушенные стены, на стыках которых возвышались башни с треугольными крышами без знамён. Маленькое здание, где он пробудился, скорее всего, служило храмом.

Он зашагал к стене, чтобы найти лестницу. Снег приятно хрустел под тяжестью сапог, вызывая улыбку. Неподалёку раздались приглушённые голоса и лязг обнажённого оружия. Он развернулся, заметив, как кто-то быстро сокращал до него расстояние. Что? Левая рука инстинктивно потянулась к поясу, но ей не за что было ухватиться. Неизвестный, закутанный в плащ с меховым воротником, в сферическом шлеме с закрытым забралом, оказался перед ним и резко ударил навершием меча. Он свалился в снег, ощущая жжение на правой стороне лица. Ему не дал подняться следующий удар. Кровь медленно потекла из открытой раны. Перед глазами всё плыло, а голова гудела. Он перевернулся на спину и сквозь пелену разглядел, как неизвестный заносит меч для решающего удара.

– Стой, – раздался взволнованный голос.

Что? Пустота охватывала его цепкими лапами, утаскивая всё глубже и глубже. Перед тем как потерять сознание, он смог разобрать одну фразу: «Как это возможно?»

Назойливые лучи солнца ослепляли, заставляя прикрываться от них рукой и щуриться. Он сморщился и отодвинулся в тень, ощущая пульсирующую боль в месте удара.

– Я жив, – слабо пробормотал он и огляделся. – Где я?

Его нога была прикована цепью к стене, а сам он лежал на дряхлом матрасе. Напротив, под окном с железными прутьями, стояло ржавое ведро. Кто его заточил?

Деревянная дверь отворилась с режущим скрипом. На пороге стоял лысый дворф, в заправленной серой рубаше и расстёгнутой куртке с меховым воротником. В руке он держал факел, а на поясе крепились кипа ключей, фляга и топорик. Дворф пригладил густую каштановую бороду, доходящую до груди, и оценивающе посмотрел на него. В его зелёных глазах промелькнула жалость.

– Пить хочешь? – Дворф снял с пояса флягу и потряс ей.

– Что в ней?

– Вода. Я не собираюсь тебя травить. – Сквозь бороду проступила улыбка.

Дворф приложил флягу к губам и сделал пару глотков.

– Убедился? Будешь?

Он кивнул, надеясь утолить свою жажду. Но выйдет ли это? Дворф положил флягу на пол и толкнул ногой. Он медленно взял её, неотрывно следя за своим тюремщиком. «Доверься», – раздался хриловатый голос.

– Что? – сорвалось тихо с его губ.

– Ты что-то сказал? – Дворф внимательно смотрел на него.

Ещё один голос? Он не похож на первый, он другой. Что это за голоса? Он приложил горлышко фляги к потрескавшимся губам. Прохладная вода заструилась по пересохшему горлу, увлажняя его. Он быстрее стал глотать, боясь, что флягу могут отнять, поэтому поперхнулся и закашлялся.

– Не спеши, она вся твоя. – Дворф несколько раз опустил руку вниз, словно пытался успокоить его.

– Спасибо, – сипло сказал он, когда осушил флягу до последней капли. – Что... Где я?

– В старом замке – Оглед, – сказал дворф и сделал шаг к нему, вставив факел в держатель. – Гар... Я сниму оковы, и мы пойдём к стражу. Она хочет с тобой поговорить.

– Страж?

Дворф приблизился к нему и ловко снял кипу ключей, быстро подобрал нужный и освободил от стесняющей цепи. Все эти движения казались ему спокойными, без ожидания какого-то подвоха с его стороны. Почему он доверял ему?

– Готово. – Дворф повесил кипу ключей на пояс и протянул ему руку. – Я Йорген.

Он ухватился за неё и рывком поднялся на ноги. Затёкшие мышцы заныли, но он не упал. Солнце вновь ослепило, и ему пришлось отойти назад в тень. Всё это время Йорген не отрывал взгляда, словно чего-то ожидая. Он узнал его?

– Я...

«Ты – будущее», – сказал уверенно тягучий голос. Что это значит? Он покачал головой, дворф нахмурился.

– Ты забыл своё имя? – Неуверенный кивок. – Я думаю, Катерина, поможет тебе. Пойдём, – сказал Йорген, вытащил факел и жестом позвал за собой.

Они покинули темницу и оказались в длинном и узком коридоре. Тени разгонял свет факела дворфа и позволял ему разглядеть истлевшее знамя, висящее на стене. На нём было сложно определить изображение, но фраза, вышитая золотыми буквами, виднелась ясно: «Вопреки судьбе». Хватит ли ему сил и воли бороться и найти ответы?

– Вопреки судьбе, – прошептал он и сжал кулаки.

– Сильные слова, – кивнув, сказал Йорген. – Пойдём.

Крепко сложенный дворф направился вперёд по коридору, освещая дорогу. Он бросил прощальный взгляд на фразу и пошёл за Йоргеном. На протяжении всего пути их встречали с одной стороны холодные каменные стены с креплениями для факелов, с другой – двери в пустые камеры. Почему его поместили так далеко от выхода? Кто он? Как ему вспомнить имя, своё прошлое? Тяжело вздохнув, он продолжил идти за дворфом, который слегка повернул голову в его сторону.

– Пытаешься вспомнить имя? – Голос Йоргена звучал мягко.

– Да.

– Что ты помнишь о себе?

Они остановились у двери, к которой Йорген тут же стал подбирать ключ. Может ли он доверять дворфу, который с момента пробуждения в камере был с ним доброжелательным?

– Только как проснулся в той крепости и меня схватили.

– Больше ничего? – Йорген открыл дверь.

Он мотнул головой. Голос дворфа напоминал ему тот, что он слышал перед тем, как отрубиться. Йорген спас его?

– Это ты предотвратил моё убийство?

Дворф пригладил бороду и махнул рукой, зовя его за собой.

– Да, я остановил Брока. – Йорген вздохнул. – Нельзя убивать, не разобравшись. К тому же в хладнокровном убийстве нет чести.

Они пошли по винтовой лестнице, оставляя позади холодное подземелье.

– Спасибо, Йорген.

Дворф кивнул, не оборачиваясь к нему.

– Хочешь вспомнить своё прошлое? – Голос Йоргена слегка дрожал. – Не думал, что это шанс оставить его и начать жить с чистого листа?

Прекратить попытки вспомнить? Но разве без этого он не просто пустая оболочка, бродящая без цели? Что, если он сам сделал это с собой? Но почему? Что ему не нравилось в его жизни? В чём смысл? Голова от вопросов сильнее разболелась.

– Хотелось бы вспомнить имя. – Он посмотрел на закованную в сталь ладонь и сжал её. – А дальше обрести воспоминания.

– Тебе нужно имя. Да. – Дворф потянул последнее слово и задумался. – Может быть, Пробудившийся? Или на дворфийском – Тэрагард.

Пробудившийся? Это имя даст ему опору?

Они поднялись в квадратную комнату с парой дверей, обитых железом. Йорген подошёл к боковой и достал ключи. На противоположной стене висел выцветший гобелен с изображением человека, держащего медальон, напротив него сидела на троне фигура, без лица. Под этой картиной красовались вышитые фразы: «Победа над Безликим. Воцарение Кроссов».

– Безликий? Кроссы?

«Разочарование», – с грустью заметил тягучий голос.

– Кто? – прошептал он.

– Безликий больше тысячи лет назад хотел начать Эру Хаоса, но его остановил Дерек Кросс и стражи. – Йорген открыл дверь и толкнул её. – Кроссы раньше правили Паенией, пока их четырнадцать лет назад не уничтожила Регардия. Идём, Тэрагард.

Пробудившийся? Он направился за дворфом по коридору, в который проникали слабые солнечные лучи сквозь окна, подсвечивая покосившиеся картины в треснувших рамах. На одной из них изображался большой феникс, сражающийся с драконом.

Йорген вывел его в просторный холл с лестницей, ведущей на второй этаж, рядом с которой стоял постамент с обломками статуи: ноги в сапогах и часть древка. Над входными дверями висело разорванное знамя с восстающим чёрным котом на изумрудном фоне.

– Чьё это знамя?

– Кроссов, – сказал Йорген, ведя его к лестнице. – Ну и самбй Паении. Оглед был их первым северным замком, пока его не оставили.

– Почему Оглед бросили? – Он поднялся на ступеньку.

– Около сорока лет назад, – Дворф почесал затылок, – три северных баронства объединились и устроили восстание против королевы Девон. Они быстро осадили замок и меньше, чем за сутки захватили его. В крепостных стенах с тех времён остались крупные пробоины.

– Чего добивались бароны?

– Свободы. – Дворф ухмыльнулся. – Барон У́рский, не помню его имени, требовал у королевы снижение налогов и прочих повинностей. Девон его требования отклонила, а после он восстал с двумя своими братьями из соседних баронств. – Они поднялись на второй этаж. – Они проиграли в битве неподалёку от Огледа. Численный перевес был не на их стороне. – Йорген пожал плечами. – Королева приказала вздёрнуть барона У́рска на стенах Огледа. Весьма жестоко, как мне кажется, но этим она припугнула остальных. Через пару лет она приказала бросить замок из-за того, что не видела угрозы в лице северных баронов.

«Жестокая и расчётливая королева. Старая история», – сказал тягучий голос.

– Почему не пойти на уступку? Почему не договориться? – Он посмотрел на очередную картину, висящую на каменной стене: толпа глядела на постамент, на котором казнили человека.

– Только Йодэрик мог бы понять действия королевы, – вздохнув, сказал Йорген. – Мы почти пришли.

Совершал ли он в прошлом жестокие поступки? Был ли у него выбор поступить иначе? Не быть жестоким? Хаос. Ему хотелось верить, что он был другим, но почему-то казалось, что всё было иначе. Он врезался в спину дворфа и очнулся от раздумий. Йорген кинул беглый взгляд на него и постучал в дверь.

– Входи, Тэрагард, – сказал дворф и похлопал его по плечу.

Он толкнул тяжёлую дверь и переступил порог. В небольшой комнате было тепло из-за камина, в котором был слышен весёлый треск брёвен. За столом, заваленным книгами и свитками, сидела девушка, в чёрном сюрко с пылающим фениксом, из-под которого виднелась кольчуга.

– Садись. – Её голос звучал мягко.

Она жестом махнула в сторону пары стульев, стоящих напротив стола, не отрывая взгляда от книги. Присаживаясь, он заметил на раскинутой карте название в верхнем углу: «Северная Паения». Она отложила книгу в сторону и посмотрела на него слегка узкими чёрными глазами. Её бровь дёрнулась.

– Гарретт? – спросила она и поправила непослушную прядь тёмно-серых волос, спускающихся чуть ниже подбородка.

«Ты не Гарретт», – твёрдо сказал хриловатый голос. «Да, ты не он», – вторил тягучий голос.

Тогда кто он?

– Гарретт? – Он слегка наклонил голову вбок.

– Гарретт, ты не помнишь меня? – Она пристально смотрела на него.

Сказать правду? Скорее всего, Йорген расскажет то, что узнал от него. Выбор невелик. Но кто такой Гарретт? «Это не ты», – твёрдо повторил хриловатый голос. Почему?

– Я не помню, кто я. – Он пожал плечами и посмотрел на неё.

Она откинулась на спинку кресла – её лицо выглядело изумлённым – и покачала головой, проводя указательным пальцем по переносице.

– Я Катерина... – Она слегка кивнула. – Что ты помнишь о себе?

– Я пробудился в заброшенной крепости. – Лёгкая дрожь пробежала по его рукам. – Что это за крепость и что с ней произошло, я не знаю. Я покинул здание, похожее на храм, а во дворе на меня напал Брок. Йорген его остановил. – Катерина вздохнула. – Я пробудился в камере, а дальше Йорген привёл сюда. Он успел сказать, что ты страж, а это замок Оглед, принадлежавший Кроссам. А кто остальные в отряде?

Катерина ухмыльнулась и положила руки на подлокотники.

– Мы с тобой стражи, а остальные – арейнисты. Они элитный отряд императора Алмарианской Империи – Арэйн. С нами ещё путешествует маг из Академии. Слегка высокомерный. – Катерина улыбнулась. – Значит, до своего пробуждения, ты ничего не помнишь? Да, Гарретт?

– Почему ты думаешь, что я – Гарретт?

Разве он Гарретт? Почему он не чувствует связи с этим именем? Пробудившийся или Тэрагард более подходящие имена, но не Гарретт. Почему?

– Твой шрам на лице.

Он снял перчатку и дотронулся до правой стороны лица, в поисках шрама. Кончиками пальцев он прикоснулся к неглубокой борозде у края рта и повёл их вверх по ней, остановившись под глазом, и продолжил над ним. Шрам заканчивался чуть выше брови. Как его получил Гарретт? То есть как он его получил?

Катерина взяла походную сумку, которую он нашёл в храме, и вывернула её содержимое: флягу, медальон и кулон с розовым кварцем. Солнечные лучи, пробивающиеся из окна за её спиной, освещали предметы. Она взяла в руки подвеску и повертела рассматривая. Нахмурившись, Катерина спросила:

– Ты узнаёшь эти вещи?

Он взял медальон и открыл его. Внутри хранился портрет женщины с янтарными глазами, пепельными волосами до подбородка, ярко выраженными скулами и слегка впалыми щеками. Её черты были изящными и одновременно простыми и этим очаровывали. Кто она? Её знал Гарретт? Он услышал вздох хрипловатого голоса.

– Нет. – Он покачал головой и продолжил смотреть на портрет. – Кто это?

– Лето Маккормак, твоя жена, Гарретт. – Катерина положила подвеску на стол.

Жена? Но почему он её не помнит? Янтарные глаза смотрели отстранённо на него, как будто говорили, что он никак не связан с ней. Почему? Он вздохнул и закрыл медальон. Лето не пробудила в нём никаких воспоминаний. Потому что он не Гарретт?

– Гарретт, вот это, – она привстала и указала на феникса, изображённого на своём сюрко, – символ стражей. – Катерина вернулась на своё место. – Не узнаёшь и его?

Он покачал головой. Если он Гарретт, то почему ему не удаётся ничего вспомнить? Лето, феникс... Почему они ему чужды? Почему они не пробуждают в нём воспоминания? «Ты не Гарретт», – хрипловатый голос звучал с грустью. Тогда кто он? Пробудившийся.

– Гарретт, мне нужна твоя помощь. – Голос Катерины вывел его из раздумий.

Она убеждена, что он – Гарретт. Шрам на его лице. Он прикоснулся к нему, надеясь, что это даст толчок его памяти. Но его ждало разочарование.

– Что ты знаешь о Гарретте?

Катерина заелозила в кресле и вздохнула, вновь проведя пальцем по переносице.

– Я не хочу тебя пугать, Гарретт. – Она замялась и выставила руку ладонью перед собой. – Около семидесяти лет назад ты участвовал в последней войне с безликими.

– Безликие?

– Это последователи Безликого... они наши враги. Хотят вернуть Безликого. – Катерина пожала плечами. – Он хотел начать Эру Хаоса.

– Они враги, потому что хотят его вернуть?

– В целом, да. – Катерина скрестила руки на груди. – Они ищут Глаз Безликого. Мы с Арейн ищем его на севере Паении.

– Глаз Безликого как-то связан с Эрой Хаоса?

«Да», – сказал хрипловатый голос. Катерина кивнула. Ему казалось, что она сама до конца не понимает, что такое Эра Хаоса. Понимал ли Гарретт?

– Что произошло семьдесят лет назад?

– Крепость Ангфил осадили безликие. – Катерина положила руки на подлокотники. – В ночь перед битвой ты заключил сделку с демоном Зартари. Мастера утверждают, что на рассвете ты превратился в огромного демона и уничтожил всех безликих до последнего. – Она вздохнула. – Будучи демоном, ты расправился и со стражами. За сделку и убийство собратьев тебя заклемили предателем ордена. Мне жаль. – Катерина придвинулась ближе в кресле и хотела протянуть к нему руку, но одёрнула её.

– Я убийца... предатель. Я решил судьбы стольких... разве я имел на это право? – шептал он, ощущая ненависть к Гарретту, к себе, и сжал кулак.

«Это сложное решение, на которое мало кто способен», – сказал с сожалением тягучий голос. «Это ужасное решение, но другого выхода не было», – хрипловатый голос звучал слабо. Разве? Всегда есть иной путь. Всегда есть выбор.

– Гарретт, это спасло много жизней. – Он поднял голову и посмотрел на Катерину. – Ты действовал согласно нашему девизу: «Во имя жизни».

Он усмехнулся. Стать палачом многих, прикрываясь борьбой за жизнь. Во имя чьих жизней он сражался? Гарретт не выдержал груза вины, поэтому сделал что-то с собой?

- Что с... Гарреттом произошло после битвы?
- Он... ты пал в Зартари, и тебя больше никто не видел.
- Я выбрался оттуда... Как мы познакомились? Когда?
- Это было около тридцати...

Катерину прервала резко открывшаяся дверь. На пороге появился мужчина, средних лет с аккуратно подстриженной остроконечной бородой. Он поправил застёгнутую на все пуговицы серую рубашку и сделал шаг вперёд – раздался звук металлических шпор сапог. За его спиной стояли ещё один мужчина, с болотного цвета глазами и большим носом, и Йорген, качающий головой.

– Катерина, почему ты начала допрос без меня? Я должен был присутствовать. – Во фразе слышался укор, но Катерину это не смутило.

Зелёные глаза мужчины впились в него.

– Я не позвала вас, Дэниэл, потому что это дело касается стражей. – Катерина скрестила руки на груди.

Капитан провёл рукой по каштановым волосам с сединой и глубоко вздохнул. Мужчина позади него подошёл к камину, на нём был кожаный дублет, на поясе висел меч.

– Капитан, – начал говорить Йорген, – если он страж, то пускай Катерина решит с ним все вопросы сама.

– Мы могли с ним решить все вопросы ещё в той крепости, Йорген, – сказал Брок, подкинув деревяшку в огонь. – Но ты почему-то остановил меня. Ты знал его?

– Нет, я... – Йорген осёкся и что-то пробурчал себе под нос. – Я не сторонник хладнокровных убийств и быстрых решений. Мы не могли его убить, пока...

– Не разобрались в ситуации. – Брок усмехнулся.

– И как тебя зовут, страж? – Капитан сел на стол и посмотрел на него.

– Гарретт Маккормак, – ответила за него Катерина, Капитан покачал головой.

Разве он Гарретт? Ему претит это имя, кто он? Пробудившийся? «Выбери свой путь, стань тем, кем хочешь», – сказал тихо хрипловатый голос. «Стань будущим этого мира», – загадочно протянул тягучий голос. Будущим?

– Я – Пробудившийся, – уверенно сказал он.

Пробудившийся хотел внести сразу ясность, кто он, и отделить себя от Гарретта. Пока что. Ему предстоит ещё разобраться в том, что с ним произошло.

Катерина вскинула бровь, Капитан нахмурился.

– Я не помню, как был стражем, как был Гарреттом. Поэтому я – Пробудившийся.

– Пробудившийся, – сказал Йорген, похлопав его по плечу.

– Значит, ты ещё и память потерял. Час от часу не легче. – Капитан протёр глаза указательным и большим пальцем. – Катерина, почему ты уверена, что он страж? На нём даже нет феникса.

– Его шрам. – Она указала на лицо Пробудившегося. – Я знала его.

– Ладно, допустим, он тот самый страж. Хоть он сам этого не помнит. – Капитан спрыгнул со стола и засеменил по комнате. – Что ты тогда предлагаешь?

– Я помогу ему вспомнить прошлое, стать стражем, а он нам поможет найти Глаз, – уверенно сказала Катерина. – Гарретт – ценный союзник, Дэниэл.

Потому что он хороший боец? Или он знает что-то о Глазе? Назвать Гарретта хорошим стражем Пробудившийся не мог. Нужно узнать у Катерины, что между ними было тридцать лет назад. Семьдесят лет назад Гарретт... он пал в Зартари. Сколько ему?

– Капитан, можем приставить к нему Ронана, – предложил Брок, отойдя от камина.

– Я могу заняться этим, Капитан, – сказал Йорген, пригладив бороду.

– Катерина, у тебя слишком темно, можешь создать шар света? – Капитан пытался что-то разглядеть на карте.

Она выставила руку ладонью вверх, и через мгновение из неё вылетел небольшой сгусток магического света, осветивший всю комнату. В момент сотворения заклинания, Пробудившийся ощутил странное желание, странный голод. Что-то внутри него хотело поглотить магию, напитаться ею. Что за пустота живёт в нём? «Сопровивляйся. Борись», – хором говорили оба голоса. Как подавить это желание? Как не дать ему вырваться? Усилием воли он попытался спрятать его, как можно глубже. Нельзя давать ему волю. Нельзя поддаваться ему. Но как понять природу пустоты? Пробудившийся мотнул головой и увидел в комнате ещё одного арейниста. Это Ронан?

Широкоплечий арейнист подошёл ближе к столу, он был чуть выше Капитана, тёмно-рыжие волосы собраны в тугий хвост. Ронан был облачён в кожаную куртку и серую рубашку, из-под которой выглядывала кольчуга. Пробудившийся отметил на правой руке арейниста шрам от ожога. Ронан почесал щетину и кинул беглый взгляд серых глаз на него. Внимательно изучив Пробудившегося, он посмотрел на Катерину.

– Ронан, ты будешь присматривать за Пробудившимся. – Капитан ткнул пальцем в его сторону. – Отведи его в западное крыло и расположи в комнате рядом с покоем Катерины. Как закончишь, переселись сам в свободную комнату рядом.

– Хорошо, Капитан. – Ронан потянулся. – Вставай, дружище, нам пора.

– Капитан, лучше мне ему помочь, – сказал обеспокоенный Йорген.

– Не нужно, Йорген. Для тебя есть другая работа. – Капитан протёр глаза.

Пробудившийся встал и посмотрел на Катерину. Внешне она выглядела спокойной, но почему-то казалась напряжённой. Ей предстояло ещё спорить с Капитаном о его дальнейшей судьбе?

– Дружище, не тупи, – прикрикнул Ронан, вышедший из комнаты.

Пробудившийся направился к двери, Брок внимательно на него смотрел, как будто ожидал подвоха. Разве можно его винить в этом? Пытаться ли вспомнить прошлое? Или отринуть его? До слуха донёсся голос Капитана:

– Может быть, стоит его отправить в Империю, и пускай ваш магистр решает его судьбу? Заодно передадим отчёт о нашем задании Императору.

– Нам не о чём докладывать, Дэниэл, – вздохнув, сказала Катерина. – Мы не отправим его в Империю. Он поможет нам.

– Бездна... Ладно, Йорген, ты его знаешь?

Дверь за спиной захлопнулась, и голоса стали неразличимы.

– Входи, дружище, – сказал Ронан, толкнув дверь, обитую железом. – Я буду в комнате напротив. Катерина спит вон в той. – Он махнул в сторону; её спальня была рядом.

Пробудившийся переступил порог и очутился в небольшой квадратной комнате, в которой стоял затхлый воздух, а по углам висела паутина.

– Выглядит бесподобно. – Присвистнул Ронан.

Напротив покосившейся кровати, с рваным матрасом, был камин. Возле высокого шкафа, без пары полок, валялись ветхие книги. К прикроватному комоду прилип воск от сгоревшей свечи.

– Располагайся, дружище. – Усмехнулся Ронан. – Значит, ты страж?

– Я не помню. – Пробудившийся пожал плечами. – Ты что-то знаешь о них?

– Они следуют какому-то кодексу. – Ронан потёр ладони. – А, ну и кричат «во имя жизни», – громче сказал арейнист. – Видимо, тебя это достало, дружище, и ты решил потерять память, да? – Ронан ухмыльнулся.

Пробудившийся покачал головой. В Кодексе прописано, что нельзя делать стражу? А он его нарушил, провалившись в Зартари? Во имя жизни? Зартари это другой мир? Пробудившийся ощутил головную боль. Когда вопросы закончатся? Он заметил, что Ронан наблюдал за ним.

– Ты знаешь, что такое Зартари?

– С такими вопросами обратиться к Йоргену, – скрестив руки на груди, сказал Ронан. – Он мастак в историях. Слушай, дружище, – арейнист слегка замялся, собрал пальцы домиком и потянул руки вниз, – не обижай Катерину и не подведи её. Она почему-то верит в тебя. Крад... ладно. Ты меня понял, да? – Пробудившийся кивнул. – Хорошо, располагайся, дружище. – Ронан вышел и захлопнул за собой дверь.

– Нужно будет расспросить Йоргена и Катерину о Зартари и об остальном, – тихо сказал Пробудившийся и направился к окну.

Он посмотрел на своё отражение, искажённое стеклом: отстранённые тёмно-синие глаза, длинные грязные волосы, неопрятная борода, впалые щёки и торчащие скулы.

– Я жалок...

Пробудившийся распахнул окно, впустив прохладный, свежий воздух, быстро заполняющий комнату. Ветер растрепал его волосы. Он бросил беглый взгляд на отражение. Почему его лицо и глаза ничего не выражают? Что он чувствует? Ему страшно? Ему холодно? Что с ним?

– Я... не знаю. Что сделал со мной Гарретт? Что сделал я с нами...

Внутри он ощущал страх, растерянность, но его лицо было словно камень, а глаза холодны. Вдохнув, Пробудившийся отошёл от окна и сел в угол рядом с камином. Что дальше? Просто ждать? «Жди. Катерина поможет тебе», – сказал уверенно хрипловатый голос. «Набери сил, окрепни и потом сбеги от них», – предложил тягучий голос. Что это за голоса? Почему он их постоянно слышит? Он сжал кулаки и ударил ими по полу.

– Хаос вас раздери, – крикнул он. – Хаос?

Пробудившийся мотнул головой, понимая, что ему осталось только ждать, когда кто-то придёт к нему. Но кто это будет? И что он принесёт с собой?

Назойливый стук по стеклу заставил открыть его глаза и подняться. Пробудившийся подошёл к окну и заметил на раме сидящую птицу со снежно-белым оперением, разбавленным буроватыми пестринами. Ярко-жёлтые глаза уставились на него, наблюдая, словно ожидая чего-то. Что это за птица? Он сделал шаг к ней. «Инохская сова», – сказал хрипловатый голос. Сова снова стукнула чёрным клювом, взмахнула широкими крыльями и полетела вверх, в пасмурное небо.

За дверью послышались голоса и возня. Она открылась, на пороге стояли Брок и Ронан.

– Иди за мной, страж, – сказал Брок.

Пробудившийся заметил, что Брок был закован в стальной нагрудник, на котором в небольшом щитке был изображён кулак. Символ отряда Арейн?

– Брок, Капитану это не понравится, Катерине тем более. – Ронан схватил Брока выше локтя.

– Боишься, что Катерина на тебя будет иначе смотреть? – Брок оскалился. – Эй, страж, скажи, ты хотел бы испытать себя в бою? У нас есть арена во дворе, где мы поддерживаем форму.

– Дружище, ты можешь отказаться. – Ронан качал головой, смотря на него. – Слушай, если ты не готов, то это и понятно...

– Ронан, хватит болтать, пускай сам примет решение. Что скажешь, страж?

Бой на арене? Умеет ли он сражаться? Каким оружием? Хаос. «Не соглашайся, у тебя не хватит сил», – настаивал хрипловатый голос. Если откажется, то его посчитают ярмом на шее отряда? Нужно показать, чего он стоит. «Бессмысленно», – разочарованно сказал тягучий голос.

– Я сражусь, – твёрдо сказал Пробудившийся.

Брок усмехнулся и махнул рукой. Ронан вздохнул и пробурчал под нос: «Крад».

– Сколько я просидел здесь? – спросил Пробудившийся, выйдя из комнаты.

– Весь прошлый день и ночь, – сказал Ронан, приглаживая вырвавшиеся волосы из хвоста.

Они шли по длинному коридору, по которому Ронан привёл его к комнате. Несколько факелов, висящих на стене, догорали и слабо освещали их путь. Брок вывел их в холл с лестницей, ведущей прочь из донжона. Пробудившийся заметил внизу дверь, через которую его вчера вёл Йорген.

– Давно вы в этом замке? – спросил Пробудившийся и посмотрел на идущего рядом Ронана; Брок шёл впереди, возглавляя их.

– Неделью где-то, – сказал задумчиво Брок. – Но из-за тебя, видимо, мы ещё на какое-то время застрянем здесь.

– Всё лучше, чем спать в лесу или в холодной пустоши. – Ронан усмехнулся. – Слушай, эта крепость пока лучшее место, где мы останавливались.

Брок пожал плечами. Видимо, они уже давно в пути.

– А где находится Алмарианская Империя? – спросил Пробудившийся, когда они дошли до лестницы.

– Прибереги такие вопросы для Йоргена, дружище. – Ронан почесал затылок.

– Какие вопросы, Ронан? – спросил дворф, когда они спустились на первый этаж.

Йорген появился откуда-то сбоку и подошёл к ним, окинув их быстрым взглядом.

– Куда вы ведёте Пробудившегося? Брок? – дворф скрестил руки на груди.

– На арену, – спокойно объяснил Брок.

– Ему там нечего делать. – Махнул рукой Йорген. – Йодерик вас побери, Капитан знает об этом?

– Он занят, Йорген. Мы поглядим, на что способен страж. Он сам не против. Верно, страж? – Брок посмотрел на Пробудившегося, Йорген что-то пробурчал под нос.

– Верно, – сказал он и заметил разочарование в глазах дворфа.

Почему он так волнуется за него? Что их связывает?

– Пойдём, страж, – сказал Брок и направился к выходу.

– Так где находится ваша Империя? – вновь задал вопрос Пробудившийся.

– На юго-западе от нас, – Йорген махнул рукой в сторону, – лежит горный хребет, напоминающий драконий. Отсюда до Хребта Дракона где-то пара месяцев пути пешком. Он отделяет Империю от Паении.

– В Хребте живут дворфские кланы, и все они недовольны, когда по их пещерам кто-то ходит, – толкнув двери, сказал Брок.

– Могут ворчать, сколько их душе угодно, главное, чтобы продолжали варить свои настойки и виски. – Расплылся в улыбке Ронан.

– Спорно, Ронан, гномье бренди в разы лучше.

Они вышли во двор крепости. Пробудившийся поднял голову вверх и посмотрел на возвышающийся донжон – квадратное здание размером с небольшую гору. Ему показалось, оно грозным и в то же время одиноким. Он пошёл за арейнистами осматриваясь. Донжон окружали

массивные каменные стены. В углах и возле ворот он смог разглядеть четыре башни, другие были скрыты за главным зданием. У одной была плоская крыша, на которой стояла баллиста. Возле ворот и на стенах несли караул арейнисты. Рядом располагалось длинное крытое здание с крошечными окнами.

Напротив донжона из лачуги шли столпы дыма, и был слышен ритмичный стук молота, скрежет железа и звук от мехов, раздувающих огонь в горне. Брок повёл их налево, мимо колодца, возле которого три арейниста о чём-то спорили. Пробудившийся не смог уловить сути их громкого разговора, он только отметил, как самый высокий среди них постоянно жестикулировал, а другой качал головой. Третий же арейнист, с белой копной волос, набирал воду в ведро. Оторвав взгляд от колодца, он заметил, что с одной стороны двора мечники отрабатывали удары, среди них прохаживался чуть полный мужчина, с залысиной, и менторским тоном громко наставлял: «Удар должен быть хлёстким. Не машите оружием, словно это какая-то колотушка. Вы не тесто взбиваете. Не вкладывайте в каждый удар всю силу, грамотно распределяйте её и думайте. Постоянно думайте. Враг может впасть в слепую ярость, а вы, сохранив холодность разума, легко с ним расправитесь. Эдд, не усердствуй».

– Ерс не даёт Эдду, как всегда, спуска, – заметил Ронан.

– Эдд слишком часто рубит на силу, – сказал Йорген, подняв палец. – С мечом он ужасен. Ему бы булаву или молот.

– Он новичок. С его размахами он долго не протянет, – вставил Брок.

– Он уже больше года с нами, Брок. Ерс мог бы поменять подход.

С другой стороны двора лучники стреляли по мишеням. Выстрелы в яблочко сопровождались овациями, а промахи – громогласным и давящим: «У-у-у». Среди стрелков Пробудившийся разглядел девушку с заострёнными ушами, торчащими из-под серебряных волос. Она подходила к каждому лучнику и что-то говорила или поправляла стойку. После выпущенная стрела сразу же попадала в цель.

Воины были практически одинаково одеты: кожаные дублеты, под которыми скрывалась кольчуга, сапоги; от холода их спасали меховые плащи с капюшонами. Только у лучников не было стальных нагрудников, с кулаком в щитке, наплечников и поножей.

– Жэнаэль куда лучше Ерса обучает своих подопечных, – заметил Брок.

– Нам повезло, что она вступила именно в наш отряд, – сказал Йорген.

– Сколько всего вас? – спросил Пробудившийся.

Брок косо глянул на него и покачал головой.

– Сотня плюс Катерина и Натаниэль. – Йорген пригладил бороду.

Впереди Пробудившийся заметил толпу арейнистов, громко кричащих и постоянно жестикулирующих. Он расслышал выкрики: «Давай. Бей его справа», «Остолоп, двигайся», «Бей», «Вперёд».

– Сегодня оживлённо, – присвистнул Ронан.

– Шарагáрд, – буркнул Йорген.

Брок прорубал плотную толпу и вёл за собой остальных. Пробудившийся встречал недовольные взгляды, которые тут же становились любопытными, стоило им заметить его. До его слуха донеслось: «Страж будет с кем-то из нас биться?» Напрягала ли его толпа, на потеху которой ему предстояло сражаться? Важно ли, что они подумают о нём? Да. Они должны увидеть и понять, что он не ярмо. Он пригодится им. Он докажет это.

Они прорвались к невысокому деревянному забору, ограждающему арену. Брок перепрыгнул через него и приказал:

– Прекратить бой.

– Брок, не мешай, – кто-то крикнул из толпы.

– Продолжите после того, как наш страж проведёт бой с Ронаном.

– Ладно, Брок. Я так я. – Ронан перепрыгнул через забор. – Эй, Алгáр, подай клеймор со стойки.

– Брок, могу я с ним провести бой? – Перелез через ограду Йорген. – Я не буду сражаться за победу или почёт, оценю его навыки.

– Йорген, Ронан справится. – Брок усмехнулся. – Страж, возьми оружие.

Дворф покачал головой и пробурчал что-то себе под нос. Толпа расступилась перед Пробудившимся, открывая дорогу к нескольким стойкам с оружием. Он шёл, а до его слуха доносилось: «Ронан справится с ним быстро, я в этом уверен», «Говорят, стражи прекрасны в бою, хотя те, что были с нами, те ещё слабаки». Раздался громкий хохот. Пробудившийся подошёл к стойкам и рассмотрел их: одноручные мечи стояли с полуторными и двуручными, булавы попеременно с однолезвийными и двулезвийными топорами, копья держали особняком. Рядом лежали щиты – круглый и каплевидный.

– Оружие не заточено, Пробудившийся, – сказал Йорген, поравнявшись с ним.

Он кивнул и ощутил лёгкую дрожь в руках. Ему страшно? Пробудившийся бросил беглый взгляд на клинок, надеясь увидеть своё лицо в отражении. Оно, как и раньше, было отстранённым.

– Возьми либо одноручный меч, либо полуторный, – напутствовал дворф. – Тебе с ним будет сподручнее. Выжди момента, когда Ронан оголит защиту, и соверши резкий выпад, либо отойди в сторону и разоружи его. – Йорген пригладил бороду. – Не пытайся измотать его, Ронан не дурак и прекрасно обращается с клеймором. Удачи, Пробудившийся. – Дворф похлопал его по спине и отошёл в сторону.

– Спасибо, – тихо сказал он.

Какое оружие выбрать? Последовать совету Йоргена и сражаться одноручным мечом? Щит – неподходящий вариант. Ронан осыплет его градом ударов, и рука быстро устанет от постоянного напряжения. Копьё? Держать арейниста на расстоянии и выжидать момента для выпада? Один неверный шаг – и он проиграл. С двуручным мечом он не справится, по крайней мере, ему так казалось. Лучше выбрать скорость.

– Не тупи, дружище, – крикнул Ронан под гул одобрения толпы.

Хаос. «Возьми полуторный меч, тебе будет проще достать до Ронана из-за его длины», – советовал хриловатый голос. В толпе раздалось недовольное возгласы: «Быстрее, страж», «Лучше беги и прячься в канаве», «Слабак». Пробудившийся схватил левой рукой эфес полуторного меча и направился к арене. Гомон раздражал.

Перешагнув забор, Пробудившийся заметил, как пошёл ленивый снег. Последние лучи солнца скрылись за плотными серыми облаками. Он встал напротив Ронана, в центре арены был Брок.

– Мо ламо анбе бор, мо лакра аное хале, – сказал Ронан, проведя пальцем по лезвию клеймора.

«Язык сарков. Мой путь – борьба, мой меч – союзник», – перевёл хриловатый голос.

Брок махнул рукой и перепрыгнул через забор. Ронан обхватил двумя руками эфес клеймора и неспешно наступал на него. Пробудившийся ощутил, как весь мир умолк, дыхание стало ровным, дрожь в руках исчезла. Он выставил перед собой меч, готовясь отразить атаку Ронана, который почти дошёл до него. Мгновение – клеймор опустился сверху вниз, скользнув по полуторному мечу. Бой начался.

Ронан очертил дугу, от которой он уклонился и попытался сделать выпад. Арейнист опередил его – Пробудившийся отвёл в сторону рубящий удар, но колющий попал в нагрудник и слегка вдавил пластину в области рёбер. Хаос. Он сделал несколько шагов назад, выставив перед собой меч, и упёрся в ограждение. Ронан облизал губы и ринулся на него. Пробудившийся увернулся от рубящего удара, клеймор сломал деревяшку в заборе.

– Крад. – Арейнист сплюнул и побежал на него.

Ронан быстро сократил дистанцию и очертил дугу, которую остановил Пробудившийся. Он отвёл клеймор арейниста в сторону и совершил выпад. Меч попал в плечо Ронана, заставив его отойти назад и зарычать. Пробудившийся старался дышать ровно и не вкладывать все силы в один удар – неизвестно, сколько он сможет продержаться и что преподнесёт ему арейнист. Он нанёс удар снизу вверх, который Ронан с лёгкостью блокировал. За ним Пробудившийся очертил дугу, не представляющую угрозы для арейниста. Как ему пробить его защиту? Как поймать на ошибке? Ронан блокировал все атаки Пробудившегося: провёл серию выпадов и нанёс пару ударов снизу вверх, сверху вниз; прочертил одну диагональ – слева направо. На лице арейниста появилась ухмылка.

Ронан занёс клеймор для дугового удара, но в последний момент изменил направление и опустил лезвие на левое плечо Пробудившегося. Хаос. Он глухо зарычал и разжал пальцы – меч упал на землю. Пробудившийся мотнул головой, чтобы прийти в себя и оценить ситуацию, но было поздно. Ронан совершил выпад – клеймор попал в область груди, вдавливая пластину. За ним сразу же последовал второй удар – клинок сильно врезался в ноги, сбив Пробудившегося. Толпа взревела. Ронан воздел меч и руки, отходя от него.

Пробудившийся тяжело дышал и глухо рычал от боли в плече и груди. Он слаб и ничего не может сделать. Хаос. Нужно подняться. Нужно продолжить бой. Он – не ярмо.

Пробудившийся попытался встать несмотря на боль в плече. Он рычал, ощущая, как ярость подступает к нему и заполняет разум.

– Не тупи, дружище, – сказал Ронан, облокотившись на клеймор.

– Я не сдамся, – тихо проговорил он. – Я смогу.

Он поднялся в полный рост. Толпа взревела. Он не обращал на выкрики внимания, сосредоточившись на Ронане. Шаг. Второй. Пробудившийся оказался рядом с полуторным мечом и схватил его правой рукой за эфес.

– Йожад, – сплюнул Ронан и ринулся на него.

Их мечи схлестнулись и резко разошлись в стороны. Пробудившийся описал дугу, от которой арейнист отпрыгнул. Ронан совершил выпад, попавший в нагрудник. Ярость сильнее охватила Пробудившегося. Поддаться ей? Он нанёс рубящий удар – Ронан заблокировал его, – за ним последовал выпад, от которого арейнист ушёл в сторону. Он не давал ему ни мгновения на передышку, продолжая натиск и осыпая градом ударов. Рубящий сменялся выпадом, дуга – диагональю. Пробудившийся увидел в глазах арейниста тень страха. Почему? Его лицо изменилось из-за ярости? Мельком он увидел своё отстранённое отражение в клинке. Что с ним? В это мгновение Ронан разжал руку с эфеса и нанёс ему удар правой. Пробудившийся свалился в снег, выронив меч. Перед глазами потемнело. Толпа ревела от увиденного, а Ронан тяжело дышал и не отрывал взгляда от него. Пробудившийся проиграл.

Ярость пропала, возвращая болевые ощущения в груди, плече и животе. Хаос. Он глухо зарычал, пытаясь подняться, но у него не вышло. Силы покинули его. Ронан протянул руку, которую он обхватил. Поднявшись, Пробудившийся заметил, как толпа расходилась перед своим командиром. Капитан озирает арену и недовольно качал головой.

– Брок, объяснись, – громко сказал он.

Брок приблизился к Капитану и стал что-то говорить, Пробудившийся не смог разобрать его слов из-за шума. Он попробовал подвигать левой рукой, но тут же ощутил жгучую боль. Хаос. Плечо выбито?

– Эл рул гар, – сказал Ронан, смотря на него. – Слушай, дружище, а как ты сохраняешь ледяное спокойствие? Твоё лицо выглядит пугающе...

– Потом поговорите, Ронан, – буркнул Йорген, приблизившись к ним. – Иди за мной, Пробудившийся, я отведу тебя к Нйсе, надо проверить кости и твоё плечо.

– Йорген...

– Дэниэл, ты дал своим бойцам устроить избиение стража? Превосходно. Просто превосходно, – медленно аплодируя, сказал вальяжно шагающий высокий эльф, облаченный в тёмно-зелёный плотный плащ с капюшоном и дублёную куртку с золотыми узорами. – Куда смотрит Катерина?

– Что тебе нужно, Натаниэль? – Капитан оставил Брока и переключил внимание на эльфа. Натаниэль подошёл к арене и скучающе оглядел зелёными глазами Пробудившегося.

– Что в тебе особенного, страж? – Натаниэль сощурил глаза и пригладил назад прядь длинных чёрных волос.

– Так что тебе нужно, Натаниэль? – Капитан вплотную подошёл к эльфу.

– Мне было занятно взглянуть на него. – Натаниэль сложил руки. – А тут, оказывается, стража уже избивают. Брок и сарк решили устроить ему проверку?

– Натаниэль, позволь мне разобраться со своими людьми, а ты лучше займись...

– Дэниэл, я знаю, что мне делать. – Голос Натаниэля звучал жёстко. – В любом случае нам нужно с тобой поговорить. За мной.

Капитан кивнул и посмотрел недовольно на Ронана и Йоргена.

– Ронан, иди с Броком. Он скажет, что вас ждёт. Йорген, пока присматривай за Пробудившимся, – приказал Капитан и пошёл за эльфом в сторону башни позади донжона.

– До встречи, дружище, – бросил Ронан и подбежал к Броку.

– Идём, Пробудившийся, – сказал Йорген, жестом зовя за собой. – Нам вон к той угловой башне.

Пробудившийся кивнул и пошёл медленно за дворфом. К его удивлению, усталость сходила на нет, осталась только боль, но не такая сильная, как сразу после боя.

– А ты неплохо сражаешься обеими руками, – нарушил тишину Йорген. – Знал я одного паренька, – дворф вздохнул, – он стремился одинаково хорошо владеть каждой рукой. Упрямый был.

– У него вышло?

– Не знаю... Идём.

Возле башни росло дерево, почти достигающее её верха. Ветви были усеяны хвоей и шишками, на толстой серо-коричневой коре проступали глубокие трещины. «Тис...» – с гнетущей тоской сказал хрипловатый голос. Рядом со стволом Пробудившийся заметил каменную плиту с затёртыми словами, ему удалось разобрать только одну букву «К». Это могила какого-то Кросса? Он не стал спрашивать у Йоргена и последовал за ним ко входу башни. Внутри была винтовая лестница, уводящая ввысь, и дверь в соседнюю комнату. На стене одиноко горел факел, разгоняя тени.

Дворф толкнул дверь, странный запах тут же ударил в нос Пробудившегося. Он состоял из примеси трав и чего-то ещё. Пробудившийся заметил, что в комнате слева и справа стояли шесть аккуратно застеленных кроватей. Над каждой ярко горели факелы, скрывая отсутствие окон и солнечного света. За стеклянными дверцами шкафа прятались мензурки, склянки и баночки, вероятно, с лечебными снадобьями, мазями и ингредиентами. На деревянном столе, возле ширмы с изображением восходящего солнца, лежали хирургические инструменты и сложенная в стопку белая ткань.

– Ниса, – громко позвал Йорген.

Из-за ширмы выскользнула медичка. Каштановые пряди скрывали половину её лица. Ниса быстрыми шагами направилась к ним, собирая волосы в хвост, коричневая рубашка без воротника была заправлена в штаны.

– Здравствуй, Йорген. Ты в порядке? – Ниса слегка нагнулась и внимательно осмотрела его.

– Всё хорошо. – Йорген улыбнулся сквозь бороду.

Голубые глаза медички уставились на Пробудившегося. Она чуть наклонила голову.

– А ты тот страж, о котором все говорят? Ты ранен? Что болит?

– Плечо, – сказал он.

– Присаживайся. – Ниса указала на кровать. – Сними, пожалуйста, нагрудник и кольчугу.

Пробудившийся расстегнул ремешки нагрудника, Йорген помог его стянуть. Мельком он заметил старые царапины и новую небольшую вмятину в области груди. Он попытался поднять руку, чтобы стянуть кольчугу, но у него не вышло. Хаос.

– Не двигай рукой. Тебе нужно вправить плечо. Бездна дери эту арену. В последнее время слишком много подобных травм в отряде.

– Они пытаются так поддерживать форму, – сказал Йорген.

– Дурость это. Можно же друг друга не калечить. – Ниса махнула рукой и недовольно фыркнула. – Йорген, возьми вот тут. – Дворф взял руку Пробудившегося. – А теперь аккуратно, медленно-медленно, поднимай её снизу вверх и вперёд. Главное, чтобы плечо встало на место, а для этого...

Йорген оборвал Нису и резко дёрнул руку, возвращая сустав на место. Пробудившийся глухо и протяжно прорычал сквозь зубы.

– Немного топорно, Йорген, и резко. – Ниса вздохнула. – Попробуй подвигать рукой.

Он медленно поднял и опустил руку. Боль стала слабее, и вернулась подвижность.

– Спасибо, Ниса.

– Всегда рада помочь. – Ниса улыбнулась и кивнула. – Надо сделать подвязку и дать тебе лекарство, чтобы быстрее всё зажило.

Медичка юркнула к шкафу со склянками и достала оттуда одну. Возвращаясь, Ниса схватила со стола ткань.

– Выпей немного, а дальше принимай каждый день по глотку, пока боль не уйдёт. – Медичка протянула открытую склянку.

Он взял её и выпил. К его удивлению, лекарство оказалось не горьким, а сладковатым, с травяным послевкусием. Ниса протянула ткань под его рукой, чтобы подвязать её.

– Я Пробудившийся, – сказал он.

Ниса кивнула и завязала узел, закрепляя руку. Медичка надавила на грудь, смотря на его лицо.

– Не больно? – Он покачал головой. – А так? – Он снова мотнул головой. – Хорошо, кости целы. – Ниса нахмурилась. – По твоему лицу сложно понять, когда тебе больно. Странно, что оно у тебя... – медичка постучала по своему подбородку, – словно маска. Не скрывай боль, так будет проще понять, хорошо?

Он кивнул. Его отстранённый вид может и дальше вызывать вопросы. Хаос.

– Постарайся, не пропустить удар в грудь и по плечу. А вообще, не ходи на эту ужасную арену, Див.

– Я постараюсь.

Ниса улыбнулась и скрылась за ширмой.

Йорген отвёл Пробудившегося в столовую на третьем этаже донжона, где было оживлённо. Арейнисты сидели за длинными столами, ели, пили и играли в карточную игру. Йорген объяснил ему, что это был буф, придуманный странствующими торговцами, раньше её называли просто очко. За широкой стойкой стоял крупноватый повар Томас, с длинными белыми усами. Йорген и Пробудившийся отведали его фирменное мясное рагу с секретным ингредиентом. Дворф предположил, что это особо острая специя из Эрнарского королевства.

– Йорген, ты знал меня? – нарушил затянувшееся молчание Пробудившийся.

За соседним столом раздался громкий возглас: «Бездна, Шóрни, ты мухлюешь». Дворф отпил из кружки и вытер бороду.

– Я не знал тебя, Див. Но ты мне напоминаешь одного паренька, который когда-то был в моём отряде. – Йорген вздохнул.

– Ты возглавлял арейнистов?

– Нет. Я...

За соседним столом вновь раздались громкие голоса и смех: «Хóрас, научись достойно проигрывать».

– До поражения Паении я был стражем. – Йорген отпил ещё из кружки.

– Почему ты стал арейнистом? Почему не вернулся в орден?

– Йодерик... я перешёл в Империю через Хребет Дракона, стараясь не попадаться кланам. – Дворф покачал головой. – Из гор я отправился в Сернаталь, это северный кантон Империи. Я думал оттуда пойти в Клóу, но... осознал, что нарушил Кодекс и незаконно перешёл границу. Йодерик побери этот Кодекс. – Йорген сжал крепко кружку.

– Кодекс наказывает за пересечение границы? Почему?

– Скорее за неофициальное пересечение границы. Так проще контролировать стражей, Див. Все всегда должны знать, где ты находишься. Мы не должны представлять угрозы королям, и мы не можем помогать друг другу без официального разрешения. Когда ты паенский страж, тебя не касаются дела ордена в Империи.

«Глупый свод правил», – приснул тягучий голос. «Таков порядок, призванный нас сдерживать», – с сожалением заметил хриловатый голос.

– Стражи подчиняются королям? Зачем?

Вновь раздался бурный всплеск за соседним столом: «Томас, наливай ещё, я сегодня в ударе». Пробудившийся заметил гнома, пляшущего на столе в такт хлопкам арейнистов. Из его чёрных кудрявых волос торчали немного заострённые уши.

– Так решил Дерек Кросс, и на это согласился Алестер Берриган. – Дворф поднёс кружку к губам, но не выпил, а поставил на стол. – Я всегда думал, что Кодекс создали, потому что Дереку нужны были ручные псы для подчинения Паении и соседних земель. Но мастера вдалбливали, что Кодекс призван оградить нас от глупых поступков. – Йорген усмехнулся. – Иронично, что наш девиз «во имя жизни» порой призывает нарушать Кодекс и действовать наперекор ему. А после тебя назовут предателем и запишут в отдельное приложение к Кодексу, в назидание остальным. Так было и с тобой, Див.

– Катерина говорила мне об этом. – Он сжал кулаки. – Она знает, что ты страж?

– Нет, об этом знает только Капитан, которого я встретил в Сернатале, когда решил стать арейнистом. – Дворф пригладил бороду. – В отряде Арейн всё предельно понятно и просто. Исполняй волю Императора и прикрывай своих товарищей.

«Глупый дворф, сменивший одно ярмо на другое. Следовать за кем-то, отринув свою волю, – бессмысленно», – с жалостью сказал тягучий голос.

– Почему ты не вернулся в Хребет Дракона?

– Я изгнанник, Див. – Йорген вздохнул. – Меня изгнали из клана, и я отправился в Паению, где продолжил быть стражем.

– Почему Див?

– Сокращение от твоего имени, Пробудившийся. Ниса неплохо придумала.

Он кивнул и задумался. Кодекс ограничивает стражей, но при этом они должны поступать против него, чтобы защитить других. Как это бессмысленно. Стоит ли вспоминать, как быть стражем? Как быть Гарреттом? Что он сделал с ними, что его лицо ничего не выражает? Хаос. Почему так сложно?

Глава 3. Большие тайны маленького Кйфривиса

Кинжал пролетел рядом со щекой, задевая и царапая кожу, и вошёл в податливый деревянный пол склада, прогнивший от времени. Рэйчел резко выдохнула. Её взгляд встретился с единственным глазом нападавшего – второй был закрыт повязкой, – мужчина сразу же навалился на неё всем своим весом, не давая встать. Она дёрнулась, но он сильнее сжал её бёдра, не позволяя вырваться, и надавил на руки. Рэйчел почувствовала запах пота, исходящий от него. Тяжёлое, спёртое дыхание обдало лицо. Она отвернулась, прячась от вони жареной рыбы и капусты, вызывающей тошноту. В голове забрезжила мысль, что не стоило возглавлять авангард наступления, а оставить всё гвардии и службе особых дел. Свою часть, как страж, она выполнила: две недели провела в сборе слухов и сплетен в Кйфривисе в поисках ячейки безликих – фанатиков, верящих во второе пришествие Безликого. Всю свою жизнь они положили на то, чтобы найти Глаз Безликого, который, по верованиям, возродил бы их господина. Больше тысячи лет прошло с его падения, но волны культа с разной силой продолжали накрывать Хиридриум. Последняя крупная была семьдесят лет назад.

Мужчина потянул её руки и свёл над головой, сжал левой запястья и больно прижал к полу. Он приподнялся, чтобы снять с пояса ещё один кинжал. У неё появилось пространство. Рэйчел подтянула ноги к груди и со всей силой ударила ими мужчину. Он резко отпустил её и завалился на спину. Ей повезло, что на нём не было кольчуги, которая смягчила бы удар. Она расторопно выставила руки вперёд, представляя огонь – его силу и жар. Из пальцев забрезжили красно-жёлтые искры, воплощая её видение, и превратились в струю огня, направленную в лицо мужчины. От боли он закричал и повалился на пол. Рэйчел вскочила на ноги, схватила кинжал и одним быстрым движением ударила в незащищённую шею. Кинжал вошёл в плоть, как иглолка, протыкающая плотную ткань. Точный удар – и мужчина схватился за горло, пытаясь зажать глубокую рану. Ещё один удар пришёлся ему в грудь. Он бездыханно упал.

Она окинула склад быстрым и цепким взглядом. Объединённые силы гвардии и службы особых дел, облачённые в чёрно-белые сюрко поверх доспехов, теснили безликих. Такую глупость, как забытые доспехи, защитники города себе не позволяли. Схватка, начавшаяся как рядовая зачистка, переросла в бойню. Тут и там раздавались крики ужаса и боли, наполненные мольбой о пощаде, которую никто не собирался удовлетворять. Краем глаза Рэйчел заметила, как служба особых дел оборвала жизнь женщины, поднявшей руки вверх. За подол её держал ребёнок – мальчик пяти или шести лет, прячущий лицо в её юбке. Его схватили и оттащили от труп матери. Теперь его путь, возможно, лежал в особые дела или в отряд Арейн, выполняющий для Императора всю грязную работу. Разница между ними невелика.

Последние два года она часто видела особую службу в деле, так как её выбирали для помощи, но она всё ещё не могла привыкнуть, насколько смертоносной та была. Мужчины из службы чётко, молниеносно и слаженно орудовали мечами, не оставляя шансов безликим. Их движения были выверены и не терпели суесть. Они умели убивать и знали, как сделать это наиболее эффективно. Она завидовала такому мастерству. Ей, магу, нужны годы упорных и изнуряющих тренировок, чтобы приблизиться к нему. Благо, что она страж, а их жизнь была намного длиннее обычной.

На помосте склада появились лучники безликих. Рэйчел вытянула руки вперёд – обязательный жест, который помогал ей сосредоточиться, но и подсказывал противникам, что она собирается колдовать, – представила поток огненных шаров, горячих и смертоносных. Ухватив образ, она смогла воплотить его в жизнь – магия полетела в цель. Огненные шары подожгли помост, заставив лучников разбегаться врассыпную. Один из них, с горячей полостью рубашки, пытался потушить её, но так увлёкся, что не заметил, как подошёл к краю. Не удержав рав-

новесия, он свалился на камень, размозжив череп. Густая тёмная кровь с частицами мозгов разлилась вокруг головы. Рэйчел отвернулась, силясь отогнать образ.

На неё надвигались двое безликих с занесёнными мечами. В их глазах она видела ярость, питаемую жаждой смерти, и отчаяние, заполонившее разум. Смесь, которая делает тебя безрассудным, заставляя упрямо идти к цели. Им было нечего терять. Как хорошо ей это знакомо. Рэйчел представила огненный поток, широкий, льющийся стеной, и махнула рукой слева направо, поджигая противников. Они ничего не могли противопоставить огню и сдались, падая на колени. Их предсмертные крики звоном стояли в ушах, а в нос ударил тошнотворно-приторный запах горящей плоти. В голове пронеслась мысль, что ей сто́ит утихомирить пыл, успокоиться и перестать использовать столь яркие образы для колдовства. Такая магия сильно истощала, выбивала из последних сил, но Рэйчел обожала играть на грани. Лето, её наставница, постоянно ругала за это, но это было то единственное состояние, когда она чувствовала, что живёт.

Рэйчел осмотрелась и поняла, что те двое были последними. Остальные безликие были мертвы. Она покачала головой и вздохнула – ей не оставили возможности дойти до предела, а она была так близка.

Гвардейцы стаскивали тела в центр склада, чтобы придать их огню, а служащие особых дел лениво протирали мечи, оглядывая поле бойни. К Рэйчел подошёл Маркус Крейл, предводитель службы особых дел габбернэльского кантона. Причина, по которой она так много времени проводила с императорскими людьми. Именно он требовал – служба больше не просила у стражей – её участия в его расследованиях. Взгляд Рэйчел зацепился за чёрно-белое сюрко Маркуса с вышитой цаплей, держащей камень в лапе – символом Алмарианской Империи, – где светлая полоса была забрызгана каплями свежей крови. Они лениво стекали, оставляя грязные красные дорожки, словно слёзы убитых, которых не пощадили. Рэйчел подняла глаза и встретилась с серым взором, который с заботой смотрел на неё. Марволэйт бы побрал его взгляд.

– Ты не ранена? – спросил Маркус, оглядывая её.

Она покачала головой, обращая внимание, что в его светлых волосах тоже запеклась кровь. Маркус был из тех командующих, кто сам отправлялся в пучину битвы и не прятался за спинами солдат. С ним его люди чувствовали себя в безопасности и командой. Чуждое чувство, давно забытое.

– Зачем убивать безоружных? Женщины сдавались, я это видела. – Рэйчел скрестила руки на груди.

– И что потом? – Во взгляде Маркуса отразилась сталь. – Чтобы они продолжали рожать новых безликих? Мы не допустим ошибок стражей.

– Ошибок стражей. – Она хмыкнула и закатила глаза. – Императору не знакомо милосердие?

– Это не милосердие, а стратегический просчёт. Сама же понимаешь.

– Видимо, нет. И что дальше? Сожжём склад, чтобы спрятать постыдную резню?

– Да. Я хотел попросить тебя это сделать.

– Как неожиданно. – Рэйчел зло усмехнулась.

– Ты же понимаешь...

– Да, понимаю. – Она фыркнула. – Меньше всего мы хотим потревожить покой благочестивых граждан. Зачем им знать, какой ужас творится за закрытыми дверями, пока они слепо верят в иллюзию своей безопасности.

– Рэйчел! – грозно сказал Маркус, скрестил руки и пригляделся к ней. – Что тебя так задело?

Под его колючим взглядом ей стало не по себе. Тут же вспомнился отец, который мог остановить её так же – всего лишь посмотрев на неё.

– Сушая безделица. Ты бы даже не заметил. – Она развела руки в сторону; Маркус продолжал строго пялиться на неё, требуя ответа. – Тебе не впервые убивать безоружных? Женщин, просящих пощады, на глазах их детей?

– Разве стражи не действуют так же?

– Убивают невинных? Нет.

– Скажи это беженцам войны. Их кровь на руках стражей.

– Ты хотел сказать на руках моего брата? – Она развернулась к нему боком, взгляд уставился на тело мёртвой женщины.

– Я сказал, что хотел.

– Вот как. – Рэйчел фыркнула.

– Император предпочитает действовать наверняка. Угроза должна быть уничтожена.

– И мнимая, и настоящая. Ну да. – Рэйчел закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Ты слишком категорична...

– Для кого этот урок? – Она повернулась к нему и уставилась, отмечая, что он был вымотан.

– Для всех. А в первую очередь для Габби Габбернельской.

– Точно. Твоя головная боль. Её влияние ушло за пределы Кифривиса?

– Мои источники считают, что под ней весь габбернельский кантон.

Рэйчел присвистнула.

– Паршиво у тебя дела. – Она скрестила руки на груди. – Как говорят имперцы? Потеряешь Габбернэль – потеряешь Империю.

– Да.

– Неплохо для простой мошенницы.

– Я бы не назвал её простой мошенницей...

Маркуса перебил подошедший гвардеец. Его плечи были опущены, под глазами залегли тени, а лицо побледнело. Интересно, со стороны она выглядела так же?

– Мы закончили, мессир Крейл, – обратился он к Маркусу. – Тела можно поджигать.

– Видимо, это работа для меня, – усмехнувшись, сказала Рэйчел и пошла в сторону горы трупов, чтобы закончить бессмысленный разговор и бесконечную ночь.

Рэйчел стояла напротив горящего склада и неотрывно наблюдала, как огонь пожирает здание и трупы, что остались внутри. Маркус приказал сжечь всё, стереть это место с лица земли, чтобы о нём напоминало только пепелище на месте бывшего склада. На вкус Рэйчел, слишком прямолинейное послание. Но она подчинилась. Не подчиниться было нельзя. Она и так позволила себе вольности с Маркусом, которые он в очередной раз проигнорировал. Можно ли вообще вывести его на эмоции? Что он прячет за маской спокойствия? Признаться, что ей это было интересно, она себе не могла.

Рэйчел глубоко вздохнула и услышала тонкий аромат хвои, который тут же напомнил об оставленном доме. Крепость Орт, где прошло её детство и юность, была окружена еловыми и сосновыми лесами. Вместе с Ричардом они часто убегали туда, чтобы позаниматься вместе. Она учила его магии, он – фехтованию. Вдали от вездесущих глаз собратьев они могли быть просто братом и сестрой, а не наследниками Джона Берригана, не будущими магистром и королевой. Просто собой. Слишком большая роскошь, как стало понятно потом. Воспоминания ранили. То, что сделал Ричард, навсегда отравило их, заставило кровоточить и гноиться. Марволэйт бы побрал запах хвои, который она представила себе, когда поджигала склад. Это говорило только об одном – она слишком устала.

Позади раздались шаги. Звук направлялся в её сторону. Рэйчел обернулась, рядом с ней остановился Маркус.

– Что-то ещё? – спросила она, возвращая взгляд к пожару. – Как видишь, я слежу, чтобы огонь не перекинулся на другие здания.

– А он может? – Маркус нахмурился.

– Нет. Он же магический, сожжёт только склад.

– И зачем же ты смотришь на него?

– Это успокаивает. Языки пламени пожирают всё вокруг, пока не останутся только пепел и зола.

– Странное понятие спокойствия у тебя. – Маркус хмыкнул.

– Что тебе нужно?

– Я хотел поблагодарить тебя за помощь.

– Как мило, но не стоит. Я страж, это моя работа. – Она усмехнулась и повернулась к нему. – Другого Император от нас и не ожидает. Разве не так?

– Рэйчел...

Маркус не успел договорить – к ним подошёл капитан гвардии Кифривиса, Артур Карейвиус. Его серо-голубые глаза беспокойно смотрели то на Рэйчел, то на Маркуса, не позволяя остановиться. Близость главы службы особых дел явно напугала капитана, заставив побледнеть – обычная реакция на появление Маркуса. Капитану Карейвиусу было далеко за пятьдесят, но, несмотря на некоторую усталость в образе, видно было, что он так и не покорился возрасту, хоть в тёмно-каштановых прядях давно затаилась седина. На нём был доспех, поверх которого висело чёрно-белое сюрко, полу которого он нервно теребил, пока подыскивал слова, чтобы заговорить.

– Капитан, – обратился к нему Маркус, прерывая томительную агонию того.

Карейвиус остановил взгляд на нём и заговорил сбиваясь:

– Мессир Крейл... Мона Берриган...

– Что-то случилось? – спросила Рэйчел.

– Мои люди доложили мне, что нашли труп в переулке, – сказал он, смотря в точку между ними, так и не выбрав к кому обращаться. – Он немного необычный...

– Необычный? – Маркус нахмурился. – Что это значит?

– Лучше это увидеть, мессир Крейл. – Карейвиус страдальчески скривился, словно настоящий мученик. – Вы могли бы посмотреть?

Рэйчел бросила быстрый взгляд на Маркуса, тот хмурился явно недовольный словами Карейвиуса. Что же, она знала, как ему с этим помочь. Что она потеряет, если останется в Кифривисе ещё на пару дней? Всё лучше, чем отправляться в Клоу на встречу с дражайшими собратями и магистром Анфариусом.

– Это дело для службы? Или для стражей? – спросила она. – Если для стражей, то я могу посмотреть.

– Не многовато трупов для одной ночи? – спросил Маркус, обращаясь к ней. – Ты истощена после колдовства.

– Если это единственный довод против, то мы пойдём. Ведите, капитан.

– Благодарю, мона Берриган. Думаю, стражу сподручнее будет это дело. – На лице капитана Карейвиуса появилась обворожительная улыбка, притягивающая к себе взгляд, и он повёл её на место преступления.

– Ты невыносима, – пробурчал под нос Маркус, недовольно качая головой.

Вместе они отправились за капитаном. И Рэйчел, и Маркуса вёл долг. Хоть и должны они были разным заёмщикам.

Они шли по мощёным улочкам Кифривиса, что расположился в северо-восточной части Алмарианской Империи на границе с Орнивуром. Солнце лениво поднималось, не спеша начать новый день. Зима отступила, хоть иногда всё ещё не могла признать поражения. Задул сильный северный ветер, пробирающий насквозь. Краем глаза Рэйчел заметила, как капитан Карейвиус поёжился под ним. Она же расправила плечи и подставила лицо ветру наслаждаясь. Мог ли этот ветер дуть в Менноне, столице Паении, или в крепости Орт? Мог ли он принести частички её родного дома? Лучше было не задумываться об этом, а просто насладиться приятной прохладой, которая остужала голову, разрывающуюся после бессонной ночи и слишком рьяного колдовства.

Взгляд Рэйчел ухватился за цветные растяжки, что протянулись между домами над их головами, и гирлянды из первоцветов. Празднование возжигия Предвечного в Габбернеле переплавилось с паенским нэйлом, чествовавшим перерождение Нэйлиинн – одной из ипостасей Богини, – подарив церковному торжеству размах, цвета и вкус вишнёвых пирогов. Империя впитывала культуру и традиции бежавших в неё, став когда-то оплотом свободы для вольнодумцев: тэнбле бежали из Орнивура, где были рабами, кто-то спасался от власти Регардии, а кто-то от войны. Алмарианская Империя обещала защиту своим подданным, но требовала от них беспрекословного подчинения закону и императору. Рэйчел с другими стражами тоже бежала сюда в поисках убежища после краха ордена, но с каждым годом, проведённым здесь, всё меньше чувствовала эту пресловутую свободу – её цена оказалась слишком высока. Руки Императора вначале сжали глотки магов, подчинив их особой службе, а после дошли до Стражей. Так она и оказалась на побегушках у Маркуса.

– Может быть, Артур, вы расскажите, что случилось, – сказал Маркус, нарушая затянувшееся молчание.

– Мессир Крейл, я повторюсь, лучше это увидеть. Я не хотел бы, чтобы вы строили преждевременные догадки.

– А мы могли бы? – спросила Рэйчел.

Капитан Карейвиус покачал головой и не ответил, прибавив шаг. Маркус хмыкнул, скрывая раздражения. Неужели что-то может вывести его из себя? Рэйчел усмехнулась.

Не обращая на них никакого внимания, капитан вывел их на центральную площадь, где готовились к проведению традиционной ярмарки. Как она слышала, на неё съезжались не только торговцы из соседних городов, но и из Орнивура, а в иной год можно было встретить представителей королевства дворфов. В нос Рэйчел ударил запах свежее испечённых вишнёвых пирогов, в волшебных нотках она могла различить корицу и ваниль, привезённых из Свободных Земель. В животе предательски заурчало, напоминая, что всю ночь она убивала безликих, а последняя пища была много часов назад. Не из-за этого ли её раздражение? Обогнув несколько пустых прилавков, на которые торговцы даже не успели выставить товары, они свернули в узкий переулок, упирающийся в тупик. Там столпились несколько гвардейцев капитана: двое не пускали никого, а ещё двое рассматривали что-то на дороге, видимо, тело.

Маркус прошёл вперёд, капитан Карейвиус и Рэйчел следовали за ним. Гвардейцы, охраняющие переулок, сразу же отсалютовали честь ему, вытянувшись по стойке смирно, и бросили на неё внимательные взгляды, но, увидев глубокий шрам, проходящий по левой щеке от глаза до уголка губ, опустили глаза. Этот шрам был с ней с шестнадцати лет, когда она по своей глупости сбежала из Орта, узнав о помолвке с наследником паенского трона. Первые несколько дней, пока не сняли повязку с лица, Рэйчел, на удивление своей матери, выносила спокойно: она не жаловалась, только кривилась от боли, когда шрам обрабатывали травяной мазью. Её тяжёлый хвойный запах, смешанный со спиртом, она может воскресить в памяти до сих пор. Все эти дни мать не давала ей посмотреть в зеркало, а на вопросы отвечала, что самое важное то, что она сохранила свою жизнь. Спокойствие и смирение были её спутниками до дня, когда сняли повязку и принесли зеркало. Она уставилась на своё отражение: тёмно-голу-

бые глаза округлились от ужаса, а тёмно-рыжие, волнистые волосы встали дыбом, когда она рассмотрела шрам. Он был глубоким, толщиной в указательный палец, тошнотворного розового цвета и проходил водоразделом по её левой стороне. Она схватила зеркало и бросила его в стену. После Рэйчел умоляла магов ордена вернуть всё как было, но они ничего не могли сделать, магия была бессильна. Они предложили ей держать иллюзию, но она отказалась. Весь скопившийся гнев она вымещала на своём наречённом, Генри Кроссе, из-за которого и получила шрам. Она обвиняла его, ненавидела, а Генри оставался рядом, успокаивая и не обращая внимания на её истерики. Через некоторое время он убедил её, что всё не так и плохо. Рэйчел верила, пока Генри был рядом. Но без его взгляда, полного заботы, она перестала чувствовать себя привлекательной. Шрам стал меткой вечно проклятой невесты мёртвого наследника.

– Зрелище может ошеломить, – обращаясь к Маркусу и Рэйчел, сказал гвардеец, стоящий рядом с телом, накрытым плащом; воспоминания улетучились.

– Не томите, – ответила она, присаживаясь на корточки.

Гвардеец потянул плащ на себя – под ним лежал юноша чуть старше двадцати лет. На месте глаз зияли две чёрные дыры, будто их намеренно выжгли. Рэйчел протянула руку и провела по глазницам, на пальцах осталась сажа, с вкраплением металлических пылинок. Она поднесла пальцы к носу, принялась, сажа отдавала какими-то цветами – не то розами, не то сиренью. Рэйчел нахмурилась, здесь явно была замешана магия, но признать какая ей было трудно. Она сглотнула, заглушая тоненький голос первой пугающей мысли. Рэйчел прикоснулась к высокому лбу, он был холодным, но ещё не ледяным. Значит, смерть наступила недавно. Не увидев никаких ран, она бегло осмотрела остальное тело, обратила внимание на руки – ни царапин, ни синяков, ни открытых ран там не оказалось. Значит, он не сопротивлялся. Был знаком со своим убийцей? Или убийцами? Или среди них был йармист, который мог бы успокоить разум убитого, чтобы добыть информацию? Что им вообще от него было нужно?

Закончив осмотр, она поднялась. Рэйчел заметила, как Маркус с некоторой опаской рассматривал глаза убитого.

– Вы смогли что-то ещё найти? – обратилась она к гвардейцам. – Какие-то улики? Зацепки? Свидетелей?

– Ничего... Никто ничего не видел, – отчеканил гвардеец, опуская взгляд на тело.

– Вы опросили всех? – вмешался Маркус. – Мы стоим между двумя жилыми домами, – он махнул направо и налево, – кто-то точно мог что-то услышать. Опросите их. И не мешало бы опросить ещё и вон те дома. – Он развернулся и махнул на здания, стоящие в начале переуллка. – Мало ли.

– Кто он? – спросила Рэйчел капитана.

– Тэрри Уилбрум, – заговорил капитан, в его глазах стояла боль. – Помощник управляющей в «Диковинках Хиридриума». Это лавка древностей. Расположена здесь недалеко.

– Нам нужно поговорить с ней, – сказала Рэйчел. – Ты с нами? – обратилась она к Маркусу.

– У меня встреча с Хилтом Орбориусом.

– Сын наместника Габбернеля в городе? Зачем он здесь?

– Без понятия. – Маркус пожал плечами, уходя от ответа; как обычно. – Жду твоего отчёта в «Вишнёвом эле».

– Я до сих пор не понимаю, почему ты остановился там. – Рэйчел хмыкнула. – Большую дыру в Кифривисе надо ещё поискать.

– Ты всё осмотрела?

Рэйчел утвердительно кивнула.

– Тогда отвезите Уилбрума в больницу на вскрытие. Артур, – капитан снова дёрнулся от звука своего имени, – проводите Рэйчел в «Диковинки». Считайте, что она представляет мою службу. Надеюсь на полное содействие, – с нажимом закончил Маркус.

– Я выступаю не от лица стражей, а от службы особых дел. – Она скрестила руки на груди.

– От моего лица, если тебе так приятнее. – На мгновение ей показалось, что в серых глазах Маркуса зажглись задорные искры, но они тут же погасли, стоило ему обратиться к Карейвиусу: – Капитан, я рассчитываю на ваше содействие. Не подведите императора.

Капитан быстро закивал головой. В его глазах загорелось облегчение, когда Маркус стремительно оставил место преступления.

Лавка «Диковинки Хиридриума» оказалось двухэтажным зданием, зажатым между домами. Она была обита деревом, поэтому выглядела чем-то инородным среди белоснежных зданий Кифривиса. Внимание Рэйчел привлекла приписка на овальной вывеске. Она обещала, что вы не уйдёте разочарованными. Рэйчел усмехнулась – если бы в лавке можно было найти ответы на вопрос «кто убил Терри», то вывеска была бы правдива.

Капитан Карейвиус дёрнул ручку двери, но та оказалась закрытой. Он громко постучал. Рэйчел подошла к окнам и прислонилась к стеклу, пытаясь рассмотреть, что там внутри. Она напряглась, надеясь, что не увидит ещё один труп за это утро. Убитых ночью безликих она предпочитала не вспоминать и не считать.

Капитан стучал, наполняя улицу тяжёлым громовым звуком. С каждым разом он усиливался и становился всё более дёрганым, будто Карейвиус терял самообладание. Рэйчел смогла различить движение в конце комнаты, кто-то направлялся к двери. Входной колокольчик жалобно зазвенел, и перед ними оказалась девушка. Она явно была ровесницей Терри, может быть, младше на год или два. На ней было светло-розовое платье, сильно помятое, будто она спала всю ночь в нём, белки карих – скорее янтарных – глаз покраснели, а миловидное лицо чуть опухло, каштановые волосы были небрежно заплетены в косу, из которой во все стороны торчали волоски. Девушка куталась в серую шерстяную шаль, переминалась с ноги на ногу и сутулилась, будто на её плечах лежал непомерный груз. От Рэйчел не скрылись её острые уши. Она была эльфом: отсюда излишняя трогательность в образе, будто не из этого мира.

– Что-то случилось? – спросила она высоким хорошо поставленным голосом.

– Алексионэль... Мона Робланиус, мы войдём? – спросил капитан Карейвиус.

Она неопределённо пожала плечами, что могло значить и «да», и «нет», но отступила внутрь «Диковинок». Они вошли за ней, дверь глухо захлопнулась. В помещении стоял запах книг и... топлёного молока, последнее очень удивило Рэйчел. Она быстро осмотрелась: стены до самого потолка были заставлены шкафами, где расположились книги, свечи, склянки с ингредиентами, амулеты, вазы – от такого разнообразия разбегались глаза. Рэйчел попыталась найти в предметах систему, но, быстро утомившись, бросила эту затею.

Алексионэль скрылась за чёрной ширмой, они последовали за ней и очутились в подсобном помещении, заставленном горами ящиков, в которых притаились диковинки. Рэйчел бросила взгляд вглубь и увидела небольшой, круглый стол, вдоль которого с одной стороны стояла лавка, а с другой – стул. На столе было два бокала, бутылка вина и корзинка с чёрствым хлебом. Она посмотрела на стену и заметила пурпурное пятно с подтёками, опустила взгляд под лавку, где притаилась наспех собранная кучка стекла. Алексионэль села на стул и закуталась в шаль, пряча руки.

– Вы можете присесть, – предложила она.

Капитан уселся на лавку, а Рэйчел облокотилась на стену, скрестила руки на груди и уставилась на Алексионэль, которая поёжилась под её взглядом.

– Что вам нужно? – спросила та, положив руки на стол.

Кожа на костяшках правой руки была содрана, Рэйчел огляделась в поисках того, что могло оставить рану. Взгляд зацепился за зеркало, от центра которого пошли трещины, образовывая причудливую паутину, с россыпью капель ещё не застывшей крови.

– Нам нужно задать несколько вопросов, – начал капитан Карейвиус, переведя взгляд с Алексионэль на Рэйчел, ожидая, что она возьмёт дело в свои руки.

– Вчера с Терри вы что-то отмечали? – спросила Рэйчел.

– Да... – Она смутилась.

– Что это было?

– Мы достигли удачного соглашения. – Алексионэль бросила быстрый взгляд на капитана.

– Что за соглашение? – Рэйчел вздохнула, больше всего она не любила вытаскивать клещами информацию.

– С одним клиентом. – Алексионэль сильнее сжалась и укуталась в шаль, будто та могла защитить её от навязчивого внимания Рэйчел.

– Каким клиентом? – Рэйчел сжала кулаки, костяшки побелели.

– Важным... – Она прикусила нижнюю губу, а янтарные глаза уставились на капитана в немой просьбе.

– Алексионэль, – заговорил спокойно капитан, – пожалуйста, расскажи нам всё, что произошло, а после я отведу тебя к твоему отцу.

При упоминании отца она побледнела и замерла, будто внутри неё натянулась струна, а вот это было очень любопытным. Рэйчел всегда удивляли такие реакции. Её отношения с отцом нельзя было назвать идеальными, но они не были и плохими, скорее ровными и немного безразличными. Всё, что она получала от него, была полуулыбка одобрения, когда мастера хвалили её перед ним. Этого было достаточно. Отец научил её быть сильной и ненавидеть слабости – свои и чужие. Генри и Ричард пытались сгладить её борьбу с собственными несовершенствами. Они позволяли ей расслабиться, перестать гнаться за идеалом. Но их больше нет, они бросили её. Оба.

– Может быть, вы объясните, что здесь делаете, и почему задаёте вопросы о Терри? – спросила Алексионэль.

Она расправила плечи впервые за весь разговор, вздёрнула нос и скрестила руки на груди, пытаясь занять нападающую позицию. Что же, она сама захотела сыграть в эту игру.

– Ваш друг, – начала Рэйчел, внимательно наблюдая за её реакцией, – был найден мёртвым, а вы последняя его видели.

– Что?.. – выдавила из себя Алексионэль сжимаясь.

В подсобке повисло молчание. Глаза Алексионэль округлились, губы задрожали. Она бессмысленно забормотала. Рэйчел огляделась, увидела графин с водой на комод и бросилась к нему.

– Капитан, хватайте её, пока она не потеряла сознание.

Капитан Карейвиус подскочил и схватил стул, на котором сидела Алексионэль. Он не позволил ей опрокинуться вместе со стулом на спину. Рэйчел с графином подбежала к Алексионэль, набрала воды в рот и распылила её на лицо. Сильная струя окропила лицо Алексионэль, та начала шуриться, приходя в сознание, протёрла лицо и открыла глаза. Зрачки янтарных глаз расширились, на щеках выступил румянец, шаль упала с плеч. Алексионэль гневно посмотрела на Рэйчел, подняла руку – и вlepила ей пощёчину.

– Как вы посмели!

– И вот так вы говорите мне спасибо. – Рэйчел усмехнулась, потирая место удара.

– Вас никто не просил о помощи!

– С вашей стороны просить о помощи было проблематично. Надо было выбирать йарму. Возможно, смогла бы внушить вам чувство признательности.

Алексионэль уставилась на неё. Её лицо пылало от злости, ноздри раздувались. Казалось, она держалась из последних сил, чтобы не накинуться на Рэйчел с кулаками. На это было бы забавно посмотреть.

– Вы не имели права!

– Сионэль, – капитан положил руку ей на плечо, – ты слишком потрясена, поэтому тебе была нужна помощь...

– Не называйте меня так. – Она отбросила руку капитана и вскочила. – Потрясена? Я уничтожена... разбита... Мой лучший друг мёртв! – Она зарыдала, пряча лицо в ладони.

Капитан бросил на Рэйчел взгляд, полный надежд, будто из-за того, что она женщина, должна знать, как утихомирить чужую истерику. Слезы Рэйчел не переносила на дух, последний раз она плакала в ту злосчастную помолвку, когда отец огласил ей её судьбу. Она разревелась навзрыд, а отец ледяным тоном сказал, что Берриганы не плачут, а выполняют свой долг перед орденом и страной... «Во имя жизни». Как гласил девиз стражей. К семнадцати она научилась сдерживаться и стала испытывать презрение к чужим слезам.

– Слезами вы не вернёте Терри. Лучше, если вы расскажете всё, что знаете, а мы найдём его убийцу, – произнесла Рэйчел, подбирая тщательно каждое слово. Заставлять Алексионэль рыдать ещё больше ей не хотелось. Допрос ведь может длиться целый день.

Она подняла на неё взгляд, шмыгнула носом и протёрла рукавом платья лицо, раскрасневшееся и опухшее.

– Вы не представились, – сказала Алексионэль, унимая рыдания; янтарные глаза бесцветно смотрели сквозь Рэйчел, в них притаились боль и отчаяние.

– Рэйчел Берриган, страж.

Она закатала левый рукав, обнажая внутреннюю сторону запястья, на котором был изображён феникс, с распростёртыми крыльями. Рэйчел сделала татуировку четырнадцать лет назад, когда с остатками паенского ордена приехала в Империю. Её семья была уничтожена, страна потеряна. Всем, что у неё осталось, был орден, которому она посвятила свою жизнь.

– Страж? – Алексионэль скривилась. – Почему орден занимается расследованием? Разве вы не должны спасать мир от безликих? Оберегать его от порождений Зартари и Аэрии? – Её голос становился выше, грозясь сорваться на крик. – Или уничтожать тварей, что притаились в лесу?.. Явно убийства лавочников в подворотне – не ваш конёк... Или Терри связан с безликими? Или вообще адепт Аэрии? Может быть, он заключил сделку с демонами Зартари, чтобы десять лет работать в «Диковинках»?.. Или вообще думаете, что его убила я? – Она сорвалась на крик, лицо покраснело, ноздри в гневе раздувались, а руки сжались в кулаки.

Ещё одна истерика. Это начинало утомлять. Рэйчел вздохнула.

– Я представляю службу особых дел.

– Всё равно не понимаю, почему страж ведёт расследование.

– Смерть Терри, может быть, связана с Глазом Безликого, – сказала Рэйчел, озвучивая безумную догадку. Это хотя бы выставит её стражем, а не девочкой на побегушках у Маркуса.

– Что? – одновременно выпалили Алексионэль и капитан Карейвиус.

– Кто-то вытянул сущность Терри и вряд ли сделал это из праздного любопытства.

– Вытянул сущность? – Капитан нахмурился. – С чего вы это решили, мона Берриган?

– У него выжжены глаза.

– И вы не сказали об этом мессире Крейлу. – Капитан скрестил руки на груди. – Может быть, их пригнали кочергой.

– В переулке? – Рэйчел усмехнулась. – Раны говорят о другом. Вскрытие покажет, что ожог идёт изнутри и имеет магическую природу.

– Посмотрим. – Капитан Карейвиус провёл по подбородку. – Ещё какие-то доводы?

– Я сама не в восторге от предположения, – Рэйчел примирительно подняла руки, – но это то, с чем нам придётся иметь дело... Я обязательно расскажу Маркусу.

Капитан хмыкнул и бросил на неё двусмысленный взгляд. Она знала его слишком хорошо. Так смотрели на неё люди, стоило ей назвать Маркуса по имени. Каждый должен был показать, что понимает, как она получила эту должность. Наказание. Это было сущим наказанием. И ладно бы их отношения лежали в плоскости сплетен. Нет. Маркус не позволял им пересечь черту, их отношения всегда были деловыми. Хоть иногда Рэйчел и казалось, что он тоже хочет это изменить.

– Глаз Безликого? – спросила Алексионэль, возвращая к себе внимание.

Рэйчел и капитан Карейвиус повернулись к ней. Она была бледной, но во взгляде появилась осмысленность, истерика отступила, оставляя после себя лишь тень испуга, из-за которой она напоминала трепетного оленёнка, брошенного одного.

– Да. Глаз Безликого – это...

– Я знаю, что это. – Она разглаживала свисающий край шали. – Многие поколения коллекционеров пытаются отыскать его. Вы представить себе не можете, сколько раз ко мне обращались с просьбой найти его. – Алексионэль хмыкнула и закатила глаза. – Но ладно найти Глаз, но создать новый? Это вообще возможно?

– Безликие в это верят. – Рэйчел ухмыльнулась. – Что вы можете рассказать про сделку? Алекс тяжело вздохнула.

– Мы договорились с Габби Габбернельской, что будем платить ей пятнадцать процентов с каждой сделки, а она поможет с охраной и сопровождением наших грузов.

– Зачем вам это? Империя охраняет свои дороги. – Рэйчел нахмурилась.

– Недостаточно. – Алекс скривилась. – Две недели назад мы потеряли ценный груз. Неустойка была огромной. Мы с Терри решили, что лучше платить Габби, чем выбрасывать деньги в пустоту.

– Лучше связаться с преступницей? Вы сейчас серьёзно, Алексионэль?

– Да, серьёзно. – Она скривилась. – Зовите меня Алекс. Моё полное имя звучит слишком напыщенно.

– Как вы на это пошли? Почему не обратились в службу?

– Чтобы неделями ждать аудиенции? И всё равно ничего не решить? Как будто вы, Рэйчел, не знаете, как всё работает в Империи. Сплошная бумажная волокита, где одно подразделение перекидывает работу на другое. – Алекс развела руками. – Уж лучше связаться с Габби.

– Что было потом?

– Мы вернулись в лавку и просидели до полуночи. Терри... он...

Алекс изменилась в лице, уверенность испарилась. С трудом она подбирала слова и раздирала заусенец на большом пальце правой руки, то и дело прикусывая нижнюю губу. Рэйчел понимала, что сейчас давить не нужно, а стоит просто подождать. Она отбивала пальцами по столешнице. Алекс успокоила дыхание и заговорила:

– Терри поцеловал меня, а я его оттолкнула. – Глаза заблестели от сдерживаемых слёз. – Это моя вина... – Она вздохнула и опустила голову, из раны на пальце потекла тонкая струйка крови.

– В каких чувствах он ушёл?

– Мы... мы договорились, что всё будет, как прежде. – Алекс подняла на неё глаза. – Он был очень задумчив...

– Он сказал, куда пошёл? – спросил капитан Карейвиус.

– Нет... сказал, что надо побыть одному. – Она пожала плечами. – Если бы... – Алекс запричитала, сжалась, обнимая себя за плечи.

– Мы нашли его в переулке у «Товаров Шранка», – заметил капитан. – Это не слишком далеко от его дома?

– «Товары Шранка»? – спросила Алекс, шмыгая и хмурясь. – Это вообще в другой стороне от его дома.

– Зачем он мог ночью пойти туда? – вмешалась Рэйчел. – Какие-то дела лавки?

– Нет.

– Его личные дела? Занимался он чем-то, о чём вы не знали?

– Нет... Я не думаю... Я не знаю. – Алекс вздохнула. – Я даже не заметила, что он был влюблён в меня...

– Мог ли он нарваться на драку?

– Если только кто-нибудь обидел бы слабого. Терри не терпит... – Алекс сглотнула, – не терпел несправедливости. Он... был равнодушным.

– Были ли у него недоброжелатели?

– Только конкуренты... Все любили Терри. – Алекс наклонила голову, вспоминая, и грустно улыбнулась. – Он был отзывчивым, готовым помочь по первой просьбе. Он был не способен причинить никому зла...

– Вы упомянули конкурентов. – Рэйчел приблизилась к ней и встала у стола. – У него были с кем-то острые противоречия?

– Нет... Конкуренты могли навредить мне, но не ему. – Алекс вскинула руки, шаль упала с плеч. – Если у вас не осталось вопросов, то мне нужно к младшей сестре Терри.

Алекс вскочила на ноги, показывая всем видом, что хочет завершить этот разговор.

– Тогда я пойду с вами, – сказала Рэйчел, наблюдая за её реакцией.

– Раз вы так желаете. – Она покачала головой. – Капитан, вы с нами?

– Нет, мне нужно вернуться к гвардейцам и присутствовать на вскрытии. Мона Берриган, встретимся в штабе.

Рэйчел утвердительно кивнула. Алекс накинула шаль и повела их прочь из лавки, сосредоточенно думая о чём-то своём.

Алекс привела Рэйчел к захолустному четырёхэтажному зданию, где на чердаке ютился Терри со своей сестрой Ани. Дом был построен, как любезно ей рассказала Алекс, болтающая об особенностях архитектуры Кифривиса всю дорогу – так она пыталась справиться с нервным напряжением, – пятьдесят лет назад, когда наместник Кифривиса решил расширить город, впихнув новые здания в зазоры между старыми. Развивать город на другом берегу реки он не стал, посчитав это неподходящими тратами. Пока они поднимались по лестнице в сопровождении запахов жареной рыбы и чего-то кисловатого, природу которого Рэйчел не желала постичь, Алекс сетовала, что Терри был знатным упрямым. На все предложения её отца снять комнату в их доме, он отвечал отказом и был непреклонен.

За обшарпанной дверью, выдавшей не одну семейную драму, их встретила Ани, красивая светловолосая девочка, двенадцати лет. Она была похожа на своего брата, те же черты и, возможно, одинаковые голубые глаза. Алекс представила Рэйчел, и они зашли в комнату. Она была крохотной, размером с её комнату в Клоу, крепости стражей, где они ютились вместе с Катериной. Болезненно-серые стены давили, не позволяя дышать полной грудью. Единственным источником света было круглое окно в крыше, размером, чтобы в него могла пролезть кошка. В центре комнаты стоял стол, заваленный книгами, с тремя стульями, а противоположные углы были огорожены ширмами, с наспех залатанными дырами. Видимо, так отделялись постели. Ровно напротив входа между двух углов стояла печка, слабо отапливающая жилище. На ней кипел котелок, пахло овсяной кашей.

Ани внимательно рассматривала незнакомку, Алекс же была погружена вглубь себя и старалась не смотреть на Ани, предоставляя Рэйчел сообщить ужасные новости.

– Ани... – начала Рэйчел.

– Что-то случилось с Терри? Он не вернулся домой... Вы нашли его? – Она вытянулась, нагибаясь в сторону Рэйчел. – Вы же нашли его?

Ани, побледнев, прикрыла рот рукой и сделала шаг назад. Рэйчел бросилась к ней и подхватила за локоть. Она повела девочку к столу и усадила на стул. Ани замерла, глядя в одну точку перед собой, тряхнула головой.

– Что... что случилось? – Её голос дрожал.

– Твой брат был найден мёртвым. Мне очень жаль, – сказала Рэйчел, как можно спокойнее и мягче. Она могла понять чувства девочки.

– Что? – Ани недоумённо смотрела на неё, как будто не разобрала ни одного слова.

– Терри... его убили, – прошептала Алекс и зарыдала.

Ани уставилась на Алекс. По щекам тонкими струями потекли слёзы. Алекс приблизилась к Ани, обняла её и стала поглаживать по спине, голове, шепча что-то на ухо. Ани уткнулась в её грудь, сотрясаемую рыданиями. Рэйчел отступила, почувствовав себя лишней. Видеть, как страдает маленькая девочка, потерявшая брата, было невыносимо. Это смущало и возвращало во времена, когда и она убивалась из-за брата.

Глубоко вздохнув, Рэйчел задала вопрос:

– Я могу осмотреть вещи Терри?

Ани показала голову из объятий, застыла, переводя взгляд с Рэйчел на Алекс. Затравленное выражение быстро сменилось гневным. Глаза потемнели, и она оттолкнула Алекс.

– Это... это... всё из-за тебя, – выплюнула она.

– Ани, – сказала Алекс, приближаясь к ней. – Но почему?

– Она ещё и не понимает! – Ани схватила со стола книгу и бросила в Алекс, та увернулась. – Он пришёл от тебя весь расстроенный и подавленный. – Ещё одна книга полетела в Алекс, та стала отступать в сторону стены. – Он признался тебе в любви, а ты его отвергла. Отвергла!.. Почему, Сионэль? Потому что он не был эльфом? – Гневные искры в глазах Ани превратились в пожар.

– Ты не понимаешь. Всё сложнее.

Рэйчел закашляла, но девушки не обратили на неё никакого внимания. Алекс упёрлась в стену, последняя книга ударилась рядом с её лицом. Ани замахнулась, чтобы бросить толстенный фолиант, но её руку остановила Рэйчел, схватив за запястье.

– Достаточно, – сказала она.

Ани замерла, не ожидая, что на неё прикрикнут. Она сжала губы, посмотрела на Рэйчел, в глазах Ани стояли слёзы. Милостивая Нэйлинн, за что ей это наказание.

– Алекс, ни в чём не виновата, – медленно сказала Рэйчел, стараясь не наорать на них обоих, что, может быть, и помогло бы делу. – Злость на неё не вернёт твоего брата.

Губы Ани задрожали, она сглотнула. Рэйчел отпустила её руку, надеясь, что стычка не возобновится. Она бросила взгляд на Алекс, та рассматривала подол своего платья, пряча взгляд. Ани же уселась за стол.

– Расскажи, что было, когда Терри вернулся, – попросила Рэйчел, присев рядом с ней на корточки, чтобы смотреть на неё снизу вверх.

– Он был опустошён... Я сказала, что ему принесли письмо. – Ани шмыгнула. – Он прочитал его и сказал, что завтра мы уедем...

– Куда вы уедете? – спросила Алекс, подойдя к центру комнаты.

– В столицу.

– Но зачем?

– Чтобы я училась в Академии магии...

– Но тебе же уже двенадцать лет. – Алекс раскинула руки. – В Академию берут с шести лет...

– За деньги они готовы обучать любого в любом возрасте. – Ани снова шмыгнула. – Тем более, меня обучали...

– Какой-то отступник? – Рэйчел уставилась на неё.

– Нет, хозяин алхимической лавки. – Ани покраснела. – Я знаю, что ему нельзя. Но он учил меня азам, чтобы я не сильно отстала от детей из Академии.

– Но откуда у Терри такие деньги? – Алекс удивлённо уставилась на Ани.

– Он их накопил...

– Сумма же огромная.

– И он решил, что вы уедете, получив письмо? – вмешалась Рэйчел. – То есть оно было деловым? Кто его принёс?

– Его принёс мальчишка-посыльный. Что было в письме, я не знаю. – Она пожала плечами.

– Где письмо?

– В его вещах, наверное... Ой... – Ани прикрыла рот рукой, а в глазах появился страх.

– Что ты вспомнила, Ани? – Рэйчел положила руки на её колени и посмотрела в глаза.

– Утром до вас приходил мужчина... Он представился гвардейцем, забрал все бумаги Терри и ушёл... Письмо он тоже забрал...

– Как выглядел этот мужчина? – спросила Рэйчел.

– Я... Я не помню...

– Хотя какие-то детали.

– Он был красивым, подмигнул мне, и я... смутилась... – Она вздохнула. – Поэтому не запомнила его. – Она сжала губы.

– Тебя не смутило, что он пришёл к тебе? – спросила Алекс.

– Он сказал, что ищет Терри... Но он не ищет? – Она тихонько заплакала.

Алекс подошла к ней и обняла.

– Я это выясню. Ты уверена, что он забрал все бумаги Терри? Может быть, у него был тайник?

– Не было тайника. – Ани протёрла глаза. – И забрал он всё... Я не должна была его пускать...

Повисло молчание. Рэйчел хотелось поддержать Ани, но любая фраза казалась ей фальшивой. Она по себе знала, что слова не помогают унять боль, разрывающую сердце. Алекс лучше справится с ролью утешительницы, ей же лучше найти убийцу.

– Ты сказала, что посыльный принёс письмо. Он работает на почте?

– Я не знаю. – Ани покачала головой, всхлипнула и жалостливо посмотрела на Алекс.

– Я думаю, что на сегодня хватит вопросов, – сказала Алекс. – Если вы не против, то мы пойдём в дом моего отца. Капитан поможет вам найти нас. – Алекс расправила плечи.

– Но вы, Алекс, точно не знаете, откуда у Терри могли быть деньги на обучение в Академии?

– Без понятия.

– И никаких идей?

Алекс покачала головой, показывая, что разговор завершён. Она помогла встать Ани. Они вместе собрали её вещи и ушли, оставив Рэйчел наедине с её мыслями.

Страж внимательно осмотрела каждый закуток комнаты, заглянула за обе ширмы, простучала каждую половицу, но ничего не нашла. Может быть, старший брат ничего не скрывал от своей младшей сестры. Ему просто не нужен был тайник, его отношения с сестрой строились на доверии, как когда-то и её с Ричардом. Интересно, испытывал ли он муки совести, когда прощался с ней? Почему он пришёл к ней в ту ночь? Могла ли она остановить его? Если бы она попросила его остаться, он остался бы? Или так же бросил её, как и Генри? Рэйчел

нахмурилась. Поганой метлой нужно гнать мысли о предателях, бросивших её и уничтоживших Паению. Они не стоили её внимания, а только отвлекали от расследования.

Закончив осмотр, Рэйчел опросила соседей. Те, кто всё-таки решился открыть ей дверь, сказали, что не видели ни мальчишку, ни мужчину, да и вообще совать нос в чужие дела – это ниже их достоинства. В это Рэйчел верила с трудом, но возражать не стала.

После она зашла на почту, чтобы отправить письмо в Клоу магистру Анфариусу, в нём она кратко описала, чем закончилась история с безликими в Кифривисе, и что советник Маркус Крейл поручил ей расследовать подозрительное убийство, которое может быть связано с Глазом Безликого. Она представила лицо магистра, с которым он прочтёт упоминание Глаза. Магистр Анфариус, в отличие от её отца, относился ко всему связанному с Эрой Хаоса с большими сомнениями и огромной долей недоверия. Если Берриганы во многих поколениях при одном упоминании Эры Хаоса подрывались искать истину, то Анфариус всё взвешивал и не один раз.

Рэйчел расспросила посыльных, но никто не относил в дом Терри письмо. Это подтвердил и начальник почты.

В штабе гвардии она встретилась с капитаном, который рассказал, что вскрытие установило: сущность Терри вытянули, и часть внутренностей была сожжена. Как и предполагала Рэйчел. Лекарь, проводивший вскрытие, отправил образцы в столичную Академию магии и в Клоу стражам.

Капитан поделился с ней результатами опроса свидетелей, которые, конечно же, ничего не видели. Рэйчел стало уже казаться, что в Кифривисе предпочитают не замечать, что происходит. Это стоило обсудить с Маркусом. Она рассказала о мужчине-гвардейце, который забрал бумаги Терри. Как она и подозревала, капитан никого не отправлял в дом Терри, но появление незнакомца, называющегося гвардейцем, не особо смутило Карейвиуса, как будто такое здесь норма. Что об этом подумал бы наместник Габбернеля, в чьи владения входил и Кифривис? А Маркус?

Они обсудили письмо, которое заставило Терри готовить отъезд и уйти в ночи, и согласились, что нужно опросить ещё раз Алекс, собрав список клиентов у неё. Капитан Карейвиус дал домашний адрес Алекс, но умолял устроить опрос завтра. Рэйчел согласилась, ей нужна была небольшая передышка, прежде чем она отправится на встречу с Маркусом.

«Вишнёвый эль» был притоном с определённой репутацией, о которой Маркус точно был осведомлён. Он мог и должен был остановиться в штабе гвардии, но не сделал этого. Это порождало вопросы. «Вишнёвый эль» притаился в районе Серебряных Пик, который некогда принадлежал мастерам и ремесленникам города. В притоне царил полумрак, окна были заколочены, чтобы дневной свет не мог потревожить посетителей, скрывающихся от своих проблем под светом одиноких свечей. То здесь, то там сновали молодые женщины, облачённые в короткие платья, едва доходившие им до колена, поднося напитки и закуски посетителям. Их называли «вишенки». В воздухе витали запахи жареного мяса и эля, разбавляемые едва уловимыми вишнёвыми нотами. Зал наполнялся звуками одинокой арфы, сливающейся с лютней в протяжной и грустной мелодии, которая обволакивала и убаюкивала слушателей, вводя в подобие магического транса. Всё здесь способствовало добровольному побегу от жестокой реальности.

В «Эле» было многолюдно. Там и тут сидели мужчины, потягивающие лениво напитки, отрешённые и погружённые в свои мысли. Некоторые играли в буф. Рэйчел прошла вглубь и увидела столпившихся людей перед живописной аркой, на её барельефе были изображены обнажённые девушки, собирающие вишню. Она привстала на носочки, чтобы разглядеть, что занимало их внимание. Под нишей сидели игроки в буф, окружённые увлечёнными зрите-

лями, а «вишенки» порхали вокруг, силясь утолить каждый каприз. Гомон голосов усиливался, ставки явно росли. Рэйчел бегло посмотрела на игроков – её взгляд зацепился за мужчину, сидящего в центре стола. Судя по тому, с каким благоговением, приправленным страхом, на него смотрели другие игроки, он явно имел вес в их обществе. Мужчина почувствовал, что за ним следят, поднял голову и уставился на неё. Его серо-голубые глаза, напоминавшие хрусталики льда, нагло пялились на неё, не скрывая интереса, будто её шрам не заботил его. Она хорошо знала этот взгляд. Он сулил опасности и неприятности. То, что она искала последние годы, пускаясь в самые безрассудные передраги, которые приводили в ужас собратьев стражей, а в первую очередь Лето и магистра Анфариуса.

Рэйчел хмыкнула и пошла в сторону лестницы, ведущей к комнатам. Теперь она ощущала взгляд на своей спине.

Комната Маркуса располагалась в конце тёмного коридора, единственным украшением которого был одинокий канделябр без свечей. Она быстро пересекла его и остановилась напротив двери. Рэйчел постучала. Внутри раздалось: «Войдите». Она отворила дверь.

Это была маленькая комнатка с яркими вишнёвыми стенами, на полу валялся матрас, а рядом с ним стояли стопки книг и бумаг, у окна был письменный стол, а в углу – сундук со стойкой для оружия. Маркус сидел на полу, скрестив ноги, и что-то внимательно изучал. У окна стоял светловолосый мужчина, его карие глаза уставились на неё с некоторой скукой. На нём был чёрный дублет, вышитый серебряными нитями, слишком богатый для бедной мебелировки комнаты. Чужеродность обстановке сквозила в каждом его движении. Мужчина был лишним и прекрасно это осознавал.

– Я думаю, мы закончили, Маркус, – сказал он и направился к выходу. – Встретимся в Габбернеле.

– Конечно, Хилт. – Маркус вздохнул.

Хилт прошёл мимо Рэйчел, будто её не существовало, и скрылся в тени коридора.

– Ты принимал сына наместника здесь? – спросила она, усаживаясь напротив него. – Что за блажь?

– Он желал остаться неузнанным. – Маркус пожал плечами. – Я вообще удивлён, что его интересуют дела кантона.

– Он будущий наместник...

– Известный распутством и разгильдяйством... Не уверен, что Император видит в нём наместника.

– Даже так? – Рэйчел подтянула колени. – И чем он тебя нагрузил, что ты должен ехать в Габбернель?

– В городе исчезают жители. – Маркус вздохнул и стал массировать виски. – Вначале пропадали бедняки, а теперь...

– Богачи. – Рэйчел хмыкнула. – Конечно, тебе стоит в это вмешаться.

– Что узнала? – сменил тему Маркус.

– Ничего особого. В Терри все души не чаяли. Он помогал сирым и убогим...

– Не веришь, что так бывает? – Маркус положил руки на колени и посмотрел на неё.

– Мой брат был образцом для подражания. – Она зло засмеялась. – Дальнейшую историю ты знаешь.

– Это просто один пример...

– Не один. Генри Кросс, наследник трона, сбежал из Паении, оставив страну на растерзание Регардии. – Она хмыкнула. – Надеюсь, что он погиб.

– Почему? – Маркус нагнулся в её сторону, не скрывая интереса.

– Иначе он бросил не только страну, но и меня. – Рэйчел опустила голову.

Маркус провёл по её руке, пытаясь приободрить. Она посмотрела на него и благодарно улыбнулась. Если сейчас она придвинется к нему, то он отпрянет от неё как ошпаренный? Нет, она будет довольствоваться крохами случайных прикосновений.

– Значит, ты не веришь, что Терри был хорошим парнем?

– Может, так и было, но ради сестры он был готов на всё. Буквально на всё. Уверена, что он работал за спиной Алекссионэль Робланиус, управляющей «Диковинок».

– Робланиус? – Маркус нахмурился. – Достаточно известная эльфийская семья.

– Из тех эльфов, что блюдут чистоту крови?

– Именно. Поэтому странно, что ей позволяют работать в лавке.

– Это ещё не всё. Терри тайно её любил, но она его отвергла.

– Узнал ли её отец об этом. Может, он подослал убийц?

– Не думаю. – Рэйчел нахмурилась. – Сущность Терри вытянули. Возможно, кто-то хочет создать Глаз Безликого.

Маркус уставился на неё, она попыталась понять, что у него на уме, но не смогла. Он был из тех людей, которые прекрасно хранили свои секреты. Маркус встал и начал расхаживать по комнате, меряя её широкими шагами. На лбу залегла глубокая бороздка от напряжения.

– Ты уверена в этом? – спросил он, остановившись у окна.

– На рядовое убийство не похоже. – Рэйчел скрестила руки на груди.

– Оно не единственное. – Маркус провёл рукой по волосам.

– Что? – Она почувствовала, как живот скрутило в узел. – Но тогда кто-то явно хочет создать Глаз. Мы можем увидеть тела? Где это произошло? Когда?

– Слишком много вопросов, Рэйчел. Давай решать их по одному. Пойдём. – Он протянул ей руку, чтобы помочь встать. – Нам всё-таки придётся пообщаться с Габби Габбернельской.

– Пообщаться? Ты не можешь ей приказывать? – спросила она поднимаясь. Тепло его руки приятно обожгло.

– Лучше сохранять видимость её незыблемой власти.

– Боком нам это выйдет. – Хмыкнула Рэйчел, отправляясь за ним. – Ты возглавляешь службу кантона, мог бы и надавить на неё...

– С тобой мне это не помогает. – Маркус усмехнулся, заставляя её покраснеть.

Они поднялись на четвёртый этаж и оказались перед массивной резной дверью, украшенной сюжетом из Чёрной книги – религиозного трактата, написанного, когда Империя решила объявить независимость от регардийской Белой Розы. Сцена изображала изгнание людей из Сада Предвечного. С особой любовью мастер вырезал каждую розу, растущую в Саду, и с особой жестокостью передал боль изгнанников, ступающих по шипам прочь. Мастер явно не верил в прощение и обрекал людей на вечную тоску по утраченному. Рэйчел слишком хорошо знала это чувство, слившееся с ней и ставшее её неотъемлемой частью.

Маркус постучал и, не дождавшись ответа, отворил дверь. Это оказалась спальня, посреди которой разыгрывалась интересная сцена. На кушетке за комодом с большим зеркалом, обрамлённым замысловатой рамой, резьба на которой повествовала о войне с Безликим, сидела женщина в тёмно-синем бархатном платье, подчёркивающим её кристально-голубые глаза, с серым отливом. Она смотрела на центр комнаты с лёгкой улыбкой и удивлением, выжидая, что произойдёт дальше, но тонкие губы были неподвижны. У неё был точёный профиль, а черты лица – изящными, что навевало сравнение с королевской особой. В какой-то мере, Габби Габбернельская и была королевой, с которой считался даже Маркус Крейл. Перед ней стояла покрасневшая Алекс, а рядом с ней был мужчина, которого Рэйчел видела за игорным столом. Он облокотился на стену и с насмешкой смотрел на Алекс. Она, увидев Рэйчел, облегчённо выдохнула. Что вообще делает эта девчонка здесь?

– Не думал, что особая служба явится сюда так быстро. – Незнакомец усмехнулся. – Тоже, Маркус, решил, что я убил Терри?

- Ты убил Терри? – спросил он.
- Вишенка обвинила меня в его убийстве. – Мужчина пожал плечами.
- Кто ещё мог это сделать? – возмутилась Алекс, лицо её запылало. – Вряд ли ты простишь Терри то, что тебя уличили в махинациях в буф.
- Два месяца в тюрьме – не повод убивать. Даже такого, как Терри. – Мужчина усмехнулся.
- Да ты мизинца его не стоишь...
- Хватит, – сказала Рэйчел, все взгляды обратились к ней.
- Губы Габби изогнулись в издевательской усмешке, но она продолжала сохранять молчание, наблюдая и рассматривая изящную руку, украшенную перстнями с драгоценными камнями.
- С чего ты, Алекс, решила, что... он...
- Киран Тирс, к вашим услугам. – Он отвесил издевательский поклон. – А вы? – Он уставился на неё с неподдельным интересом.
- Рэйчел Берриган. Страж.
- Раз в компании Крейла, то вы страж на побегушках. – Киран усмехнулся. – Его выбор можно понять. – Он присвистнул.
- Габби усмехнулась, но продолжила сохранять молчание.
- Почему Киран виновен в смерти Терри? – спросил Маркус.
- Я... я так чувствую... Да посмотрите на него – у него всё на лице написано. – Она махнула в его сторону.
- Тебе бы быть императорским инквизитором, вишенка. Такой талант пропадает. – Тирс покачал головой. – Жаль, что их упразднили семьдесят лет назад... Хотя с политикой Мера-лбра их ещё могут вернуть. Не прохлопай. – Он подмигнул ей.
- Киран! – Маркус уставился на него; мужчина примирительно поднял руки вверх.
- Алекс, а что-то более существенное? – спросила Рэйчел. – Не из области умозрительных заключений?
- Мне было этого достаточно. Моя интуиция меня никогда не подводит. – Алекс вздёрнула голову и подняла указательный палец вверх.
- Интуиция, вишенка? Вот как ты называешь своё мракобесие. – Киран усмехнулся.
- Алекс покраснела, но продолжила смотреть на всех с вызовом. Эта маленькая девчонка демонстрировала невероятное упрямство.
- Ты вообще чуть не перерезал мне горло. Кто тут ещё мракобес, прощелыга жалкий?
- Киран, как недоброжелательно с твоей стороны, – сказала Габби. – Грозить девушке кинжалом.
- Под её взглядом Киран поёжился, а всё самодовольство испарилось. Значит, он работал на Габби, но был знаком с Маркусом. Интересно.
- Итак, Маркус, если ты не пришёл арестовывать Кирана, то зачем здесь? Ещё и со стражем.
- Я хотел поговорить с тобой.
- Вроде бы мы всё обговорили ранее. – Габби зевнула. – Твоя помощь в обмен на мою. Это же сущая мелочь. – Она улыбнулась.
- Рэйчел хмыкнула. Что такого могла попросить глава преступного мира у Маркуса, что он не желал отдавать?
- Ладно, – выдавил из себя Маркус. – Я отдам убийцу тебе, когда Рэйчел его найдёт.
- Перекинешь всё на стража? – Габби хищно усмехнулась. – Практично. А сам будешь разбираться с делами наместника?
- Что тебе известно об этом?
- Габби хитро улыбнулась, уклоняясь от ответа.

– А вы не можете сами его найти? – вмешалась Рэйчел.

– Чтобы вы мне позволили разбираться с Эрой Хаоса?

Рэйчел уставилась на неё в удивлении. Откуда преступнице было известно об этом?

– Не удивляйся. В этом городе нет тайн, которых я бы не знала. Да и в кантоне. По рукам? – Габби приторно улыбнулась.

Рэйчел бросила быстрый взгляд на Маркуса, его снова было невозможно прочесть. Что творилось в его голове?

– По рукам, – Маркус вздохнул. – Рассказывай, что знаешь.

Габби расплылась в улыбке.

– Киран расскажет вам всё. Аудиенция окончена. – Габби подняла правую руку.

Глаза Рэйчел округлились, она пыталась подобрать слова, чтобы выразить всё своё возмущение. От Габби это не скрылось, её улыбка приобрела издевательский оттенок, и она добавила:

– Добро пожаловать в Кифривис.

Глава 4. Проблемы найдут тебя сами

– Старшие мастера и архимаги, приветствую вас. Мы можем начать совет. – Магистр Грегори Анфариус небрежно махнул рукой, и невысокий страж в стальных латах у двери захлопнул её. – Хотелось бы верить, что вы все ознакомились с моим письмом, посланным каждому из вас.

Магистр пристально оглядел присутствующих и незаметно ухмыльнулся. Но Лето отметила это и ощутила лёгкое раздражение. Она терпеть не могла его хищный взгляд, пропитанный показным высокомерием, смешанным со щепоткой пренебрежительности. Тёмно-карие глаза магистра застыли на ней, словно он испытывал её на прочность. Лето холодно смотрела в них, не моргая, но внутри она чувствовала нарастающую бурю и крепко сжимала ткань штанов. Харázия.

Сквозь три высоких и узких окна пробивались рассветные лучи солнца, ознаменовавшие наступление весны и скорого нэйла – праздника, который она так ненавидела. Между окнами висела пара картин с осенним и зимним пейзажем, на противоположной стене над камином, в котором языки пламени бурно плясали, красовался стяг ордена – пылающий феникс на чёрном фоне.

Для Лето было странным, что Анфариус решил провести совет здесь в Корлее, да и не в основном зале, а в комнате, где она проводила магические собрания и обсуждала с магами насущные проблемы. Она могла бы это понять, если бы здесь присутствовали все старшие мастера из всех крепостей, но тут были только представители из главных городов кантонов. К тому же отсутствовал советник по особо важным делам, что нарушало эдикт Императора. Что задумал магистр?

– Магистр, – голос старшего мастера Орфиуса слегка дрожал, – позвольте спросить. – Гном запнулся и поправил очки. – Почему вы позвали не всех старших мастеров? Точнее сказать, почему вы пригласили только нас пятерых и двух архимагов?

Старший мастер Орфиус занимал пост в Клоу, где восседал сам магистр Анфариус. Поэтому Лето знала, что гном был просто его пешкой. Некоторые стражи за это называли Орфиуса кернэл Егáра слизнем и игнорировали его старшинство над ними, занимаясь вопросами напрямую с магистром.

Анфариус откинулся в кресло и сложил пальцы домиком. Излюбленная поза магистра, готового отчитать неразумное дитя. Лето стало немного жалко Орфиуса, но кто его тянул за язык?

– Старший мастер Орфиус, вы, как распорядитель в Клоу, – Анфариус растягивал каждое слово с нескрываемым удовольствием и всё шире ухмылялся, – должны понимать, почему я пригласил именно вас. – Орфиус заёрзал на стуле, стараясь усесться удобнее, но у него это никак не получалось. – Хорошо, я объясню.

Анфариус вновь осмотрел присутствующих, занимавших свои места за вытянутым овальным столом, за которым ещё оставались свободные кресла. Лето глянула на старшего мастера Леоэль, сидящую напротив. Тэноле довольно улыбалась и не отрывала фиолетовых глаз от магистра, ловя каждое его движение и каждое его слово, чтобы запечатлеть в памяти. Лето ощутила приступ тошноты от этой картины. Во всей Империи она не выносила больше всех Анфариуса, а за ним шла Леоэль, его преданная сторонница. Тэноле была главной в Корлее, где Лето жила и занималась магическими делами ордена.

– Вы, старшие мастера, руководите крепостями в центрах кантонов. А вы, архимаг Маккормак и архимаг Луáр, главенствующие маги в ордене. – Анфариус широко улыбнулся и посмотрел на Орфиуса. – Теперь вам понятно, старший мастер?

Гном активно закивал, Лето показалось, что его лицо покрылось испариной.

– Магистр, тогда почему вы решили провести совет в Корлее? А не в Клоу? Или хотя бы в крепости Гарлэй? – спросил, вытянувшись, старший мастер столичного кантона Мánнус.

В его серых глазах до сих пор пылал юношеский огонёк, хотя он разменял уже вторую сотню лет. К тому же он был единственным старшим мастером во всей Империи, кто постоянно носил полный комплект лат из мурийской стали. Таким мог бы быть Гарретт, если бы не пал в Зартари? Харазия. Лето оторвала взгляд от Маннуса и перевела его на магистра.

– Старший мастер Маннус, мы в Корлее, потому что здесь, – Анфариус раскинул руки в стороны, – советники по особо важным делам Императора не смогут подслушать и помешать. К тому же благодаря старшему мастеру Леоэль, мы можем быть уверены в лояльности именно этой крепости ордена. – Магистр ткнул пальцем в стол.

Леоэль приторно улыбнулась, а на белоснежных щеках проступил румянец, сливающийся с цветом её платья. Харазия. Может ли старший мастер бесить её ещё сильнее?

– Вы сомневаетесь в верности остальных крепостей? – сведя кустистые брови, спросил старший мастер сернатальского кантона Шарán. – Попрошу, магистр, не сомневаться в нашей лояльности. – Дворф стукнул себя по широкой груди, где красовался феникс, изображённый на сюрко.

Лето слышала, что Анэрик Шаран чаще остальных подвергал жёсткой критике решения и методы Анфариуса. Поэтому его замечание показалось ей ироничным. Как говорил её отец, «неверный всегда будет орать громче остальных о своей верности». В этом он был прав. Харазия.

– Старший мастер Шаран, я не сомневаюсь в вас всех, поэтому вы здесь, – спокойно объяснил Анфариус.

Шаран дёрнул себя за чёрную бороду и откинулся в кресле.

– Значит, магистр, темой дня не будут странные магические всплески на границе с Ва́а-эртасом, – сказала разочарованно архимаг Луар и убрала назад пряди серебряных волос.

Эскаэль Луар была из тех магов, кто любил носить длинные чёрные мантии в пол и хранить письма в широких рукавах. Лето знала, что эльфийку в меньшей степени волновали дела ордена, для неё главным была магия. И только она. Поэтому после ответа Анфариуса, Луар явно теряет интерес к совету.

– Нет, архимаг Луар, – Анфариус покачал пальцем, – это мы рассмотрим с вами потом.

– Вы собрали нас здесь, чтобы обсудить проблему ордена в моём кантоне? – отозвалась старший мастер нартальского кантона Эйра, разглаживая низ коричневого колета.

Старший мастер из Ганрёза, крепости близ Нартáля, следила за самой беспокойной частью ордена во всей Империи. Смуглая Го́цо Эира была жёсткой и скорой на расправу. До Лето доходили слухи, что она рьяно чтит Кодекс и сурово поступала с его нарушителями. Про Ганрез существовало множество историй, и одной из них была о стене позора, куда Гоцо вывешивала изуродованные тела предателей. Чтобы Эира сделала с Гарреттом или Ричардом? Харазия.

– Про непокорность аргáнских стражей мы ещё поговорим, – Анфариус усмехнулся.

Эира покачала коротко остриженной головой и скрестила руки на груди. Что задумал Анфариус? Магистр обожал смаковать время, растягивая его, как дорогой напиток. Окружающих эта черта раздражала и чаще всего выводила из себя, давая ему преимущество в последующем разговоре. Лето уставилась на его левую изуродованную сторону лица, покрытую россыпью мелких и глубоких шрамов. Анфариус заметил это и слегка дёрнулся, ему не нравилось, когда кто-то таращился на них. Она знала это и хотела сбить с него спесь. Магистр скрестил руки на груди и наклонился вперёд, напоминая коршуна, готового поймать жертву в свои цепкие когти.

– Вы знаете, что обстановка в Империи накаляется с каждым днём, – начал медленно Анфариус. – Это не обошло стороной и нас. – Глаза магистра внимательно и цепко оглядывали

присутствующих. – За последние два десятка лет к нам перебрались паенские стражи и часть арганских, ещё и из Свободных Земель, которые присягнули Императору на верность. Все они, как бы лучше выразиться, имеют своё представление о долге и у них отличный уклад жизни от нашего с вами. Архимаг Маккормак и старший мастер Эира понимают, о чём я говорю. – Анфариус посмотрел на неё, словно ожидал реакции.

– Вы правы, магистр, – Лето фальшиво улыбнулась. – Мы в Паении часто расправлялись с... существами из лесов и пещер, докучавших местным, патрулировали дороги, да и как-то пара баронов нанимала стражей для расследования особо странных дел, – она постучала указательным пальцем по подбородку, – да и было меньше бумажной волокиты и советов...

– Архимаг права, магистр. Вы, имперцы, любите проводить бессмысленные советы, – добавила Эира.

– Эта разница может расколоть орден и нарушить единство, чего мы не позволим. – Анфариус сложил пальцы домиком. – Ещё над нами нависла и сильно мешает служба по особо важным делам.

– Императорские шавки возомнили, будто понимают, как бороться с Аэрией и Зартари. – Маннус положил руки на стол и сжал их в кулаки. – Что вы предлагаете, магистр? Выгнать паенцев, непокорных Империи? Или арганцев? Но Император явно не даст нам это сделать.

– Но... но это безумие, – завопил Орфиус и вскочил со своего места.

– Гном, успокойся. – Шаран постучал его по плечу. – Даже если магистр хотел бы это сделать, это практически невозможно.

– Для этого нужен магистр Паении, – задумчиво сказала архимаг Луар.

Луар что-то заинтересовало? Любопытно.

Для ордена стало сюрпризом, что Император подчинил стражей службе по особо важным делам, смешав власть Анфариуса с грязью. А до этого он провернул это с Академией магов. Император к чему-то готовится? Не доверяет никому, кроме службы? Любопытно.

– Кодекс не позволит этого сделать, магистр, – поднявшись из кресла, сказала Эира. – Мы с вами не можем это решить...

– Вы правы, старший мастер Эира. – Анфариус слегка улыбнулся. – Но, – он поднялся со своего места и пристально посмотрел на остальных, – верховный магистр мог бы.

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая треском брёвен в камине. Присутствующие обдумывали услышанную фразу, словно с ними только что поделились сокровенной тайной, о которой они не догадывались. Лето хотела громко рассмеяться ему в лицо. Рэйчел никогда и ни за что не согласится стать паенским магистром и тем более, отдать титул в его мерзкие изуродованные пальцы, скрытые под перчатками. Лето несколько раз пыталась подвести её к этой мысли, но всякий раз встречала сопротивление. Рэйчел постоянно уходила от этого разговора, отталкивала её и показывала поступками, что не годится на эту роль. Лето же казалось, что она боится подвести орден и опорочить память об отце. К тому же Рэйчел не готовили к судьбе магистра, в отличие от её брата, который стал для всех разочарованием. Харазия. Лето должна защитить её от Анфариуса.

– Магистр, – неспешно начала Лето, все взгляды обратились к ней, – для избрания верховного магистра нужен паенский орден. К тому же придётся отправить восточки в ордены из других стран, – она сделала паузу, заметив сомнения на лицах. – Как говорится в Кодексе, «верховный магистр это наследуемая должность, переходящая от Берригана к Берригану. В исключительных обстоятельствах верховного магистра может выбрать совет магистров всех орденов. Если хотя бы одного магистра не будет, то не могут состояться выборы верховного».

Лето ощутила горечь во рту и приступ тошноты после цитирования ненавистного Кодекса. Харазия. Как же она его ненавидела. Книга, призванная вести орден, на деле, очерчивала их границы и вгоняла в ярмо сумасбродных правителей, которые отправляли их на бессмысленные жертвы. А сколько Кодекс втоптал имён в грязь? Спустя пару сотен лет, для

него собрали отдельное приложение с именами предателей, датами и их деяниями в назидание остальным. Среди них было имя Гарретта и Ричарда. Харазия.

– Архимаг Маккормак, вы, несомненно, правы. – Анфариус уселся и одёрнул подол сюрко до колен, надетого поверх чёрного дублета. – Кодекс, – магистр горько усмехнулся, – в нём всегда найдутся ответы на наши вопросы.

Лето показалось, что под глазами у Анфариуса залегли тени, и он выглядел куда старше, чем был. Любопытно.

– Как вы верно заметили, без паенского магистра и остальных, мы не можем решить судьбу всего нашего ордена. – Анфариус приобрёл уверенный вид. – Но, – он поднял палец, – мы можем помочь нашим паенским собратьям стать единым орденом.

– Магистр, вы предлагаете создать независимый от Императора орден? – удивился Шаран.

– Это любопытное и смелое решение, магистр, – согласилась с восхищением Леоэль.

– Оно не противоречит Кодексу, магистр. – Задумчиво провела по коротким волосам Эира. – Но кому они будут подчиняться? Насколько мне известно, в живых не осталось ни одного коронованного Кросса.

Но если Генри выжил и спрятался где-то на юге Хиридриума. Могла ли знать об этом Рэйчел? Нет. Если бы этот трус выжил, она бы вела себя иначе и не была бы закрытой, несчастной и одинокой. Бедная Рэйчел. Харазия побери Генри Кросса и Джона Берригана.

– Магистр, но кто возглавит паенцев? – спросил Маннус, постукивая пальцами по столу. – Дочка Джона не готова занять место отца. Она слишком безрассудна, да и наверняка он её не готовил к этой роли...

– В отличие от ублюдка Ричарда, – прошипела Леоэль.

Стерва.

Что эта тэноле может знать о Ричарде и его поступке? Ничего. Но как бы она сама относилась к его поступку, если бы не знала Ричарда? Харазия. Для неё он всегда был робким и спокойным, в отличие от сестры, вдумчивым и доброжелательным.

– Рэйчел решительная и настойчивая, – сухо сказал Анфариус, сложив пальцы домиком.

Внезапно было слышать такое от магистра в адрес Рэйчел, учитывая, что они часто спорили и явно не переносили друг друга.

– Этого хватит, чтобы стать магистром, – продолжил Анфариус, – остальному она научится. Что вы думаете, старшие мастера и архимаги? Согласны ли вы со мной, что, выделив паенцев в отдельный орден, мы получим силу, независимую от Императора и его советников?

Но к чему это приведёт? К войне Императора и Стражей? К полному истреблению паенских стражей? Или надежде на светлое будущее и возвращение в Паению? Харазия.

– Это рискованно, магистр, но... – запнувшись, сказал Орфиус и снял очки, протирая их рукавом дублета. – Но, – гном сглотнул, – если надо, то я поддержу вас.

– Я согласна, магистр, – слишком звонко сказала Леоэль.

– И где бы они расположились, магистр? – Шаран потянул себя за бороду. – Не думаю, что Император или его советники выделили бы им крепость в одном из кантонов. Старые крепости Уравнителей?

– Это ещё предстоит нам решить, – сказал Анфариус и усмехнулся. – Но есть несколько свободных в нартальском кантоне.

– Что это даст нам? Не усугубит ли наше положение в Империи?

– Старший мастер Шаран, я понимаю ваши опасения, но я глубоко убеждён, что паенский орден даст нам возможность меняться и двигаться вперёд. – Анфариус широко улыбнулся.

– Верховный магистр нам нужен, но я сомневаюсь в этой затее.

– Я согласна с Шараном, – кивая, сказала Эира. – В чём выгода всему ордену? Кроме возвращения верховного?

– Старший мастер Эира, с его появлением мы сможем обсуждать полезные правки Кодекса, решать важные и наиболее острые вопросы всего ордена, – сказала Леоэль, испепеляя взглядом Эиру.

– О чём идёт речь? О бессмысленных убийствах собратьев в тупых войнах правителей? – Голос Эиры повышался. – Или о чём...

– Я готова вас поддержать, – перебила Эиру Луар. – Если вы согласитесь расследовать странные магические всплески на границе.

Эира откинулась в кресле и умолкла. Луар нашла выгоду для себя, в отличие от остальных. Любопытно. У него уже есть три железных голоса и два против. Что скажет Маннус? Что решить ей?

– Несомненно, мы займёмся этим, архимаг Луар, – сказал Анфариус и учтиво кивнул.

– Магистр, пожалуйста, объясните, – Маннус посмотрел на Анфариуса, сложив руки в замок перед собой, – как отделение паенцев поможет нам спастись от гнёта Императора?

Другого вопроса нельзя было ожидать от самого старшего стража на этом совете.

– Паенцы станут нашими верными союзниками, – начал объяснять Анфариус, откинувшись в кресле. – Как вы все помните, мы приютили их и подарили новый дом, а теперь готовы помочь им двигаться дальше. Они будут доводом в переговорах с Императором. Вместе мы добьёмся пересмотра эдикта.

– Думаете, угрозы заставят его изменить решение?

– Как знать, старший мастер.

– Ловко вы придумали, магистр, как избежать кары Кодекса, – усмехнувшись, сказала Эира.

– Я не могу поддержать такую рискованную авантюру. Слишком много жизней стоит на кону. Ещё и спокойствие всех кантонов, – твёрдо сказал Маннус и стукнул по столу.

Три голоса – «за». Три голоса – «против». Оставался только её, который решит судьбу предложения Анфариуса. Магистр пристально посмотрел на Лето. Ей показалось, что в его глазах мелькала просьба. Стоит ли этим воспользоваться?

– Вы хотите сделать Рэйчел магистром паенского ордена? – в лоб спросила Лето.

Ей нужно знать, от этого она будет отталкиваться в своём решении. Но стоит ли ставить интересы Рэйчел превыше интересов ордена? Безусловно.

– Она Берриган, архимаг Маккормак, это её долг, – сухо сказал Анфариус.

Долг. Эхом отдалось в её ушах.

– Есть ли у вас запасные варианты на эту роль?

Анфариус хотел ответить, но дверь внезапно открылась, и на пороге появился страж в латах из мурийской стали и в чёрном сюрко с фениксом.

– Магистр, – голос стража звучал приглушённо из-за горшковидного шлема с закрытым забралом, – в крепость прибыл советник по особо важным делам – Николáo Кóрска.

– На этом совет окончен, – сказал Анфариус, поднявшись со своего места. – Подумайте над моими словами и ждите нового письма.

Магистр широкими шагами пошёл к выходу. Лето вскочила, заметив презрительный взгляд Леоэль, и направилась за Анфариусом. Она вышла в коридор, в котором было прохладнее, чем в комнате совета, и увидела магистра, идущего в сопровождении двух стражей в латах.

– Магистр, – крикнула Лето и побежала за ним.

Анфариус остановился и вопросительно взглянул на неё. Его безобразное лицо подсвечивали факелы, висящие на каменных стенах.

– Архимаг?

Личная охрана магистра пошла вперёд, остановившись поодаль от них. Лето обернулась: Леоэль захлопнула дверь в комнату совета и в компании Гоцо пошла в противоположную сторону коридора. Другие мастера скрылись из вида.

– Я поддержу вас только при одном условии, – уверенно сказала Лето, ощущая, как её руки похолодели.

– Дайте угадать, не делать Рэйчел магистром? – Анфариус усмехнулся.

– Я могу стать магистром. Имя моего отца, Дóмнала Мак Шéстела, известно и уважаемо среди паенцев. Они знают меня, как сторонницу Джона Берригана...

– ...и жену предателя Гарретта Маккормака, – едко заметил магистр. – С чего вы решили, что они пойдут за вами?

– Несогласных, скажем так, я смогу убедить. – Лето усмехнулась, не веря своим словам.

Чтобы сказала на это её мать? «Нельзя использовать искусство магии во вред другим», – пронёсся в голове тихий голос матери. Безусловно, это. Но что ей ещё остаётся? Как убедить Анфариуса оставить Рэйчел в покое? Харазия.

– Вы будете готовы воспользоваться йармой?

– Магистр, мы как раз вас искали, – раздался позади голос Арода.

Что он здесь делает? Разве его экспедиция окончена? Харазия. Арод, ты не вовремя.

– Мастер Арод. Мастер Су. Чем я могу вам помочь? – спросил Анфариус, не сводя глаз с Лето.

Она развернулась и увидела двух появившихся мастеров, Арод был покрыт испариной, в отличие от арганца. Они явно спешили и знали, где будет магистр. Любопытно. Су поправил кудрявую прядь чёрных волос и положил руку на эфес сабли в инкрустированных рубинами ножнах – среди стражей они были редкостью, – и отвесил низкий поклон. Его коричневый безрукавный дублет подчёркивал смуглую кожу, на шее был застёгнут зелёный плащ с капюшоном. Арод поправил жилет, из-под которого торчала белая рубашка, и из кармана достал серый платок, немного сливавшийся с его кожей, и быстро скрыл проступившую испарину. На его чёрном плаще гордо красовался феникс. Многие стражи предпочитали под обычной одеждой носить крепкую кольчугу, Арод не был исключением.

– Рада тебя видеть, Арод, – сказала Лето и обняла его.

Ей было всё равно, что подумает магистр или Су, у неё не было той щепетильности в манерах, что присуща имперцам. К тому же так она могла с помощью йармы перекинуться парой фраз с Ародом.

«Арод, ты не вовремя. У тебя срочное дело?» – спросила Лето, проникнув в его разум.

«Да, Лето... это срочно», – немного растерянно ответил Арод.

Она отпрянула от него и посмотрела в ярко-зелёные глаза Су – спокойные и внимательные. Догадался ли он, что она сделала? Если Арод ему рассказывал о ней, то вероятно. Но откуда тэноле знает мастера Корлея, постоянно присутствующего на тех же советах, что и она?

– Мастер Арод, зачем вы меня искали? – спросил Анфариус, его голос наполнился сталью.

– Простите, магистр, что вас задерживаю, – сказал тэноле, доставая из походной сумки потрёпанный дневник с оторванным корешком. – В последней экспедиции, – Арод принялся листать его до нужной страницы, – мне удалось обнаружить дневник неизвестного уравниателя, я считаю...

– Мастер Арод, вы можете говорить конкретнее? Я знаю о вашей последней экспедиции, где она была и в чём заключалась её цель, – Анфариус скрестил руки на груди и свёл брови вместе.

Арод сглотнул и кивнул. Су похлопал его по плечу, словно пытаясь снять давление и поддержать. Может быть, они вместе путешествовали до того, как Су занял пост мастера Корлея? Сколько лет он занимает его? Года два? А раньше он был стражем в Арганской Республике, пока арганцы не напали на Империю и позволили Императору расширить нартальский кантон. Как удачно сложилось.

– «Эра Хаоса...» – откашлявшись, начал зачитывать строки Арод, его фиолетовые глаза жадно пробежали по тексту.

Лето обняла себя, ощущая охватившую дрожь, и вздохнула. Чтение дневника только больше разозлит и без того раздражённого Анфариуса.

– «... принято считать, что она нарушает баланс между тремя мирами: Аэрией, Зартари и Хиридриумом», – Арод сделал паузу, словно что-то хотел добавить, но мотнул головой и продолжил читать, – «Смею предположить, что миров куда больше и все они связаны так называемым круговоротом или потоком сущностей».

Тэноле оторвал взгляд от дневника и посмотрел на магистра, который закатил глаза. Су обворожительно улыбнулся и убрал прядь волос, падающую на лицо. Лето положила руку на плечо Арода и мысленно сказала ему: «Не вступай с ним в диалог, пока полностью не закончишь то, что собираешься зачитать. И не делай пауз, прошу».

Арод закивал и уткнулся вновь в дневник, проводя по страницам пальцем.

– «Смею также предположить, что миры связаны между собой сетью порталов, с помощью которых можно попасть из Хиридриума в Зартари. Эти места легко обнаружить, их выделяет обилие густого тумана на огромной территории, как на озере Фес. В туманах живут хранители, оберегающие границы миров и следящие за теми, кто в них угодил. Скорее всего, они не должны никого пропускать между мирами, но почему? Чтобы не нарушать баланс? Или чтобы одни существа не поработали других? Это можно узнать у хранителя тумана, если его отыскать.

Я собираюсь отправиться на остров Фес и найти его хранителя, чтобы, наконец, узнать правду, которую скрыл от нас Эржэд Орф. Что есть Эра Хаоса».

Что есть Эра Хаоса? Любопытный вопрос, на который никто толком не мог и ответить. Разве сейчас что-то поменяется? Разве что хранитель тумана и вправду реальный. Но Анфариус не одобрит эту экспедицию. Арод...

– Мастер Арод, я вас правильно понял, что вы хотите посетить озеро Фес, чтобы найти хранителя тумана? – едко спросил Анфариус и усмехнулся.

– Да, магистр. – Арод захлопнул дневник и с вызовом посмотрел на магистра. – Я хотел получить от вас разрешение...

– Очередная беготня за бессмысленным бредом уравнилелей. – Анфариус покачал головой и хрустнул пальцами. – С чего вы решили, что это не ещё один домысел и не пустая трата времени?

– Магистр, до этого дневника, – Арод ткнул в него пальцем, – мне ни разу, – тэноле выделил фразу, – не попадалось ничего про туман, его хранителя и поток сущностей. Я убеждён, что это не бред, магистр. Вокруг озера Фес и острова в его центре ходит много легенд и слухов. Все их объединяют две вещи, – Арод поднял указательный палец, – туман, – тэноле разжал средний палец, – и таинственная хозяйка острова.

– Вы думаете, что она и есть этот хранитель?

– Магистр, при всём моем уважении... – вмешался Су и обворожительно улыбнулся.

Действует ли это на кого-то? На магистра и Лето это не произвело никакого впечатления.

– ...Арод никогда не ошибается. – Су скрестил руки на груди, будто показывая свою силу. – Поэтому мы не можем отмахнуться от этого, словно это назойливая муха.

Арод почесал затылок, слегка задев аккуратно уложенные пряди пепельных волос, и смущённо улыбнулся. Су явно знает его давно и весьма близко. Любопытно.

– Что вы хотите конкретно от меня, мастер Арод? – процедил сквозь зубы Анфариус.

– Мне нужны люди в экспедицию и припасы, – начал говорить Арод, но прервался из-за поднятой руки магистра.

– Предлагаю обсудить это на моём корабле. – Он развернулся и пошёл вперёд по коридору и жестом пригласил их пойти за собой.

Лето вздохнула. Как же не вовремя появился Арод. Харазия. Стоит ли напроситься вместе с ними?

– Магистр, я бы хотел, – начал говорить Арод, остановив Анфариуса, – чтобы Лето отправилась со мной и Су в эту экспедицию.

– Зачем я тебе нужна, Арод? – резко выпалила Лето, ощущая, как её сердце бьётся чаще. Анфариус развернулся и грозно глянул на Арода, ожидая объяснений.

– По легендам, – раздался уверенный голос Су, – Фес обладала йармой и могла подчинять себе даже самого волевого человека. А если предположить, что там могут быть другие существа с йармой, то без одного из сильнейших – без преувеличений – магов в ордене, нам не обойтись, магистр.

– Йарма, – Анфариус ухмыльнулся, – несомненно, самая опасная из школ магии. Я согласись отпустить с вами архимага только при нескольких условиях.

Харазия. Что задумал Анфариус? Лето чувствовала нарастающее раздражение, казалось, что сердце вырвется из её груди.

– Что вы хотите, магистр? – спросил Арод и пригладил волосы на затылке.

– Во-первых, я даю вам ровно месяц на ваше исследование. – Анфариус захрустел пальцами. – Время пойдёт, как только вы покинете Клоу. Во-вторых, с вами отправится Элвисия и её небольшой отряд. Этого хватит для вашей экспедиции.

Его дочь? Анфариуса заинтересовала затея Арода? Любопытно. Но... харазия. Она не может отправиться с ними. Как выбраться из бури, в которую она угодила не по своей воли?

– И, в-третьих, как только вы, в теории, поговорите с этой хранительницей тумана, то сразу же возвращайтесь в Клоу, без промедлений. Даже если она вам сообщит что-то, что может заставить вас двинуться дальше. – Анфариус протянул руку Ароду.

– Я согласен, магистр, – Арод пожал её.

Лето хотела возразить, но её перебил Анфариус.

– Архимаг, обсудим наш с вами вопрос на корабле.

Она кивнула и вздохнула. Как говорил её отец, «не ищи неприятности. Проблемы найдут тебя сами».

Лето стояла позади рулевого и смотрела на вид Корлея, который всё дальше и дальше отдалялся от неё. Речной док раскинулся на Лавёт, притоке Арвет, и вмещал около десяти одномачтовых торговых судов. Корабль Анфариуса же был двухмачтовый и с двумя широкими чёрными парусами, на которых красовался феникс. Из-за крыш складских зданий торчала во всей красе купольная башня, с одним большим колоколом церкви Чёрной Розы. Она была построена полностью из камня и облицована чёрным агатом. На её месте в Корлее раньше стоял храм богини солнца – Алезандезе, который после захвата города у Арганской Республики сравнивали с землёй. Как говорили местные: «Солнце потухло над Корлеем, поэтому здесь не растут розы». Впервые услышав эту фразу, Лето не поверила, что розы не растут здесь, но спустя время, она заметила множество увядших кустов вокруг церкви.

Высокие массивные каменные стены и четыре башни с треугольными крышами, на которых развевались флаги империи, провожали её и обещали сохранить город в целостности. Но когда она вернётся сюда? И вернётся ли? Тёплый речной ветер приятно обдувал лицо и трепал её пепельные волосы, открывая слегка заострённые уши. Пойдут ли паенцы за полукровкой? Лето знала, что в Паении не любят эльфов – падлоухих, как унижали их паенцы, – и всё эльфийское, но она постарается им доказать, что достойна быть их магистром. Оставалось надеяться, что Анфариус согласится на это.

Позади раздались шаги и протяжный скрип деревянных половиц. Она повернула голову и заметила приближающегося магистра. Решил продолжить разговор? Сейчас их точно никто не побеспокоит – Арод и Су планируют экспедицию. Анфариус облокотился на фальшборт и посмотрел в сторону Корлея.

– Меньше сотни лет назад Корлей был жемчужиной Арганской Республики, – задумчиво сказал магистр. – Арганцы не думали, что их город захватят всего за один день. – Анфариус усмехнулся. – Но золото Империи открыло ворота города нараспашку. Местные купцы легко предали своих – после битвы Император приказал их всех казнить. Нас же, стражей, отправили в авангард, и мы сражались против своих братьев и сестёр.

– Вы участвовали в той осаде? – Лето посмотрела на Анфариуса, под глазами которого залегли тени.

– Мой отец считал, что будущий магистр должен вести своих людей за собой и быть всегда в авангарде. – Он стукнул по фальшборту. – Болван. На его правление не выпало ни одной войны, а на моё... – Анфариус раскинул руки в стороны. – Меня знатно потрепало в той бойне, там же я заработал эти шрамы, и мне искалечили кисти рук ударом булавы. Но... там я встретил свою жену – Лунаэль, которая лечила меня и помогла встать на ноги.

– Зачем вы мне это рассказываете, магистр? – Лето обняла себя, продолжая смотреть на Анфариуса. – Мы с вами не переносим друг друга, как имперец регардийца, если быть честными.

– Верно, архимаг. – Анфариус усмехнулся. – Но мы с вами понимаем жестокость Кодекса и каково терять любимых.

– Я не видела Анфариусов среди предателей.

– Лунаэль никогда и не была Анфариус. – Магистр вздохнул, Лето показалось, что он выглядел измученным и беззащитным в это мгновение.

– За что её казнили? – Она почувствовала, как в горле пересохло.

– Во имя жизни. – Анфариус выпрямился и посмотрел на Лето. – Она убила старшего мастера, желавшего расправиться с пленными арганскими детьми. Это было двадцать семь лет назад. Они выжили, а её судили, и мне пришлось вынести единственный приговор...

– Смерть за убийство другого стража... Харазия.

– Я убеждён, что вы поможете мне изменить Кодекс и повести иначе орден. – Анфариус протянул ей руку, с которой снял перчатку.

– Вы захотите стать верховным магистром? – Она аккуратно пожала его слабую руку, боясь причинить боль.

– Несомненно, архимаг. Вы поможете мне в этом?

Заключить сделку с Анфариусом ради лучшего будущего всего ордена? Ради Рэйчел, которая сможет сама решать свою судьбу? Безусловно. Но куда это всё её приведёт?

– Да, магистр, я вас поддержу.

Корабль встал на якорь в порту Габбернеля рядом с другими судами стражей. Всего их было четыре. На запрос Анфариуса об увеличении флота ордена Император наложил запрет и позволил иметь в распоряжении максимум четыре судна в крепости, имеющей выход к воде. У Стражей таких крепостей было две: Ключ и Корлей.

Солнце поднималось из-за горизонта и обещало жаркий день. Лето поднялась по лестнице из трюма и заметила магистра вместе с Ародом и Су.

– Архимаг, я передаю в ваше распоряжение этот корабль, – спокойно сказал Анфариус, сложив пальцы в замок. – На нём вы быстрее всего доберётесь до Валдбра. Я уже отдал распоряжение, чтобы корабль загрузили необходимыми припасами на месяц пути.

– Это очень щедро с вашей стороны, магистр, – растерянно сказал Арод и протянул руку. Анфариус пожал её без особого энтузиазма.

– Корабль с командой будут ждать в Валдоре, как вы окончите вашу экспедицию.

Анфариус слегка кивнул и направился в сторону трапа, по которому мог сойти на причал.

– Спасибо, магистр, – сказала Лето вслед уходящему Анфариусу.

Магистр ничего не ответил и вместе с парой стражей направился прочь с корабля.

– Мне нужно в Клоу, навестить своего старого знакомого, – сказал Су и обворожительно улыбнулся.

– Кого же, мастер Су? Если это не секрет. – Лето посмотрела на ухмыльнувшегося Су.

– Мастера Ирвина, – непринуждённо сказал он и махнул рукой. – Он был другом моего отца. И какое-то время обучал меня.

Лето незаметно постучала пальцами по своему боку, отбивая незатейливый ритм. Два коротких тук-тук и три быстрых тук-тук-тук. Она надеялась услышать мысли Су, но его поверхностные мысли, которые она часто слышала у других, были для неё закрыты. И даже чары ей не помогли. Любопытно.

– Не знала, что мастер Ирвин занимался обучением стражей в Арганской Республике...

– Мы будем ждать тебя здесь, Су, – сказал Арод и покачал головой, смотря на Лето.

– Я скоро вернусь, юдэй. – Су поклонился и направился к причалу.

– Юдэй? – спросила Лето.

– Наставник по-аргански. Лето, что на тебя нашло? – буркнул Арод, когда арганец скрылся из вида. – Ты не доверяешь Су?

– Я его не знаю, Арод. И с чего мне ему доверять? – Лето уставилась на тэноле, который провёл ладонью по лицу.

– Я доверяю Су...

– Прекрасно, а я нет. – Арод протяжно вздохнул. – Пойми, я с ним пересекалась на советах в Корлее...

– И?

– ...самый молодой мастер в Империи не вызывает у меня доверия. К тому же я не слышу его поверхностных мыслей, в отличие от остальных.

– Сама знаешь, что ты слышишь не всех. Леоэль сделала его мастером ради лояльности других арганцев. – Арод развёл руки в стороны.

– Каким образом, юдэй?

Арод вздохнул и пригладил волосы.

– Су из древнего арганского рода стражей – Амэца.

– Его предок Кеміна Амэца? – Арод кивнул. – Не знала, что он из её рода.

– Не так много арганцев с такой фамилией, Лето.

– Я не думала об этом, юдэй. – Она улыбнулась.

– Я не твой юдэй, Лето. Пожалуйста, прекрати.

– Хорошо, Арод. Её же называли предателем в Империи, а в Республике оправдали?

– Всё верно. Поэтому она сбежала из Империи в Республику. – Арод почесал затылок. – А когда его семья снова оказалась в Империи, старшие мастера заставили его отца понести наказание за прегрешения Кеміны...

– Этот суд же созвал, если я не ошибаюсь, Бамбер Даркэйский?

– Всё верно, Лето. Кеміна убила его отца, и он всё это время жаждал крови.

– Несправедливо...

– Анфариус и другие старшие мастера ничего не могли сделать. – Арод покачал головой. – Бамбер и его сподвижники быстро вынесли приговор и окончательно записали Кеміну Амэцу в предатели. Паршиво это...

Но Лето знала, что спустя пару лет после приговора, Бамбера нашли мёртвым с перерезанным горлом. Мог ли это сделать Су? Мсть за отца? Любопытно.

– Мы с Су успели продумать весь наш путь, – нарушил молчание Арод. – Смотри. – Тэноле пригласил её к фальшборту и разложил карту западной части Хиридриума, Лето придерживала один из её краёв. – По Йодерику мы попадём в Валдор, оттуда доберёмся верхом до Фаэналь перейдя границу, отправимся по тракту и окажемся у озера Фес.

Арод активно проводил пальцем из Габбернеля в Валдор, из Валдора – в Фаэналь, из Фаэналь – к озеру Фес, очерчивая их путь.

– Я считаю, что нам хватит пятнадцати дней. Не меньше, да и не больше. – Арод довольно улыбнулся и кивнул себе, складывая карту.

– Но сколько нужно будет времени на поиски так называемой хранильницы тумана?

– Верно... считаю, что мы успеем за двадцать дней.

Лето кивнула, ей нельзя дольше задерживаться где-то там, вдали от Империи. Рэйчел нужна её помощь.

– Мне нужно в Клоу, – сказала она.

– Хочешь оставить письмо Рэйчел? – Лето кивнула. – Скажи, почему Анфариус решил дать нам корабль?

– Я с ним заключила сделку, Арод. После нашей экспедиции я стану магистром паенского ордена.

На лице тэноле появилось удивление и непонимание, которое сменилось активными кивками. Как бы отнеслась к её решению Рэйчел? Явно более бурно, чем Арод.

– Ради Рэйчел? Ты уверена в этом?

– Да. Так она станет свободной. А я изменю Кодекс.

– Анфариусу сложно доверять...

– Мы с ним понимаем жестокость Кодекса, Арод.

– Сегодня же день его падения в Зартари?

– Да. – Лето ощутила холодное дуновение ветра и обняла себя. – Семьдесят четыре года прошло с того дня. Ненавижу нэйл...

– Мне жаль, Лето. – Арод положил руку на её плечо и слегка улыбнулся.

Ей тоже было жаль, но что толку от этого? Лето кивнула, поправила наплечник с фениксом и пошла в сторону причала.

Лето вернулась спустя несколько часов, оставив в комнате Рэйчел на её постели письмо. Она снова нашла на алтаре четыре огарка и выкинула их. Ей всегда казалась странной эта традиция в Паении зажигать свечи по усопшим. Разве это что-то даёт? Нет. Зачем постоянно терзать себя воспоминаниями и вскрывать рану? «Воспоминания бесценны», – сказал бы ей на это Гарретт. Но зачем зажигать каждый месяц свечи, не давая забыть себе о боли утраты? Лето никогда не поймёт.

С причала до её слуха доносились громкие голоса, среди которых ей удалось различить Арода. Видимо, Элвисия и её люди уже были на борту. Но вернулся ли Су? Лето поднялась по трапу и заметила Элвисию и четырёх неизвестных стражей, обступивших Арода, который показывал свою катану. Су нигде не было.

– Прорубающий Зартари, так его называли в Сэна́йском сёгунате, – объяснял Арод, делая плавные взмахи оружием.

– Мастер Арод, а там, на востоке, есть же наш орден? – спросила гномка со слегка заострёнными ушами, торчащими из каштановых волос.

– Да, Тал. Там орден в основном борется с демонами Зартари. – Арод почесал затылок. – Поэтому они куют тонкие и острые мечи, чтобы пробивать шкуры и доспехи демонов.

– Я встречал сэнайцев в Алмере, – сказал широкоплечий мужчина с кудрявыми волосами цвета молодого пшена. – Они мало говорили и постоянно учтиво кланялись. Интересный народ.

– Архимаг, приветствую вас, – сказала Элвисия и слегка склонила коротко стриженную пепельную голову. – Мы всё ещё ждём мастера Су. – Фиалковые глаза полутэнале были холодны как лёд.

– Погрузка припасов закончена? – спросила Лето, остановившись напротив Элвисии.

– Да, архимаг. Мы готовы к экспедиции до Озера Фес.

Элвисия носила чёрную кожаную куртку с фениксом, застёгнутую на все пуговицы до горла. Ей не жарко в ней? В отличие от полутэнале, Лето была одета в расстёгнутый дублет, белую широкую рубашку, под которой всегда была кольчуга, и штаны, заправленные в высокие сапоги до колена.

– Рада знакомству, Элвисия, – сказала Лето.

Полутэнале вновь склонила голову и положила руку на эфес короткого меча, висящего на поясе в ножнах, рядом с колчаном для болтов. Лето заметила, что из-за её спины торчала дуга арбалета. Широкоплечий мужчина развернулся и улыбнулся. Это был Алестер Жаркус. Лето знала его ещё с Паении, сейчас он отвечал за архив в крепости Гарлей.

– Рад видеть тебя, архимаг, – сказал Алестер и учтиво поклонился.

Лето показалось, что в его голубых глазах не осталось отпечатка того ужаса, который они все пережили в Паении.

– Маннус отпустил тебя из архива?

– Изначально я приехал в Габбернель, чтобы посетить Селэсту Ирвин и узнать, как продвигается её работа. Но сегодня, Элвисия позвала в путь. Кто я такой, чтобы отказаться от экспедиции. – Алестер задорно махнул и широко улыбнулся.

Как просто. Это отборные стражи Элвисии Анфариус? Арод вернул катану в ножны и достал дневник.

– Алестер, ты как раз сможешь поместить этот дневник в архив и заодно выводы по нашей экспедиции, которые я собираюсь составить, – сказал воодушевлённо Арод.

– Ба. Не заблудиться бы в проклятом тумане, – сплюнув, сказал полностью безволосый дворф-альбинос и повернулся к Лето. – Я – Яркер из Железного Холма. – Яркер стукнул себя в грудь, где красовался на металлической пластине феникс. – Ты верно поняла, полуэльфийка, я изгнанник.

Красные глаза дворфа внимательно смотрели на неё, в них, как ей показалось, застыли скорбь и печаль. Любопытно, за что его изгнали?

– Я – Тал керлан Шарди, – сказала гномка и широко улыбнулась, сверкая небесно-голубыми глазами. – Рада знакомству, архимаг, я многое о вас слышала. Я восхищаюсь, что вам удалось когда-то изменить Кодекс. Это чудесно.

– Тал, можно потише? – спросила эльфийка.

Сквозь веснушки Тал проступил лёгкий румянец.

– Извини, Лаэлия. Я иногда слишком быстро и громко говорю...

Гномка уставилась в пол и провела по нему ногой. Лето слышала имя эльфийки на одном из магических советов. Но о чём тогда говорили, она не помнила. Лаэлия посмотрела на неё своими большими зелёными глазами и низко поклонилась, положив руки на грудь – приветствие старшего, принятое у её народа. После невысокая эльфийка, с длинными заострёнными ушами, поправила серебряные волосы, собранные в высокий конский хвост.

– Приветствую вас, архимаг, – сказала спокойно Лаэлия.

Эльфийка явно отличалась от большинства своих высокомерных сородичей, которые обычно на полукровок смотрели с презрением и отвращением. Любопытно.

– Вы все из разных кантонов? – спросила Лето, осматривая стражей.

– Да, архимаг. Алестер – из алмёрского, Лаэлия – из корлёйского, Яркер – из сernатальского, Тал – из нартальского, я – из габбернельского, – объяснила Элвисия, не сводя взгляда с Лето.

Любопытно. Верные стражи Анфариуса, следящие за обстановкой в кантонах? Скорее всего.

– Хорошо. Значит, вы сможете рассказать нам последние новости из ваших кантонов. – Лето улыбнулась.

– Конечно, архимаг. – Элвисия поклонилась.

Позади Лето раздались быстрые шаги. Она развернулась и заметила запыхавшегося Су. Почему он бежал?

– Приношу извинения за опоздания, – отдышавшись, сказал Су и обворожительно улыбнулся.

Лето заметила, что под его глазами залегли тени, а за улыбкой была скрыта боль. Как прошла его встреча с мастером Ирвином?

– Капитан, можем отправляться в путь, – крикнула Лето.

Су направился сразу же в трюм. Его мысли были всё так же для неё закрыты. Что прячется за молодым и обворожительным лицом Су? Какие страшные тайны? Возможно, ей удастся это узнать, но, безусловно, она будет наблюдать за ним.

Корабль снялся с якоря и неспешно поплыл по Арвет к Йодерику. Экспедиция Лето и стражей началась. Удастся ли им ответить на трепещущий вопрос: «Что есть Эра Хаоса?» Или их ждёт бесславное блуждание в тумане? Кто знает.

Глава 5. Старые раны

Беатрис поджидала Ричарда и Уильяма у Больницы святого Кирика Острый Шип. Больница встретила их подчёркнутой вежливостью и холодностью. Белая сестра – так величали монахинь ордена, посвятивших себя медицине и служению Предвечному – в полном молчании провела посетителей в покойницкую, расположенную в подвале. В ней умерших обмывали и придавали облик, достойный суда Предвечного, и здесь же проводили вскрытия.

По дороге они наткнулись на белых сестёр, плетущихся по своим делам. Их лица всегда казались Ричарду безжизненными, как будто из них высосали всю радость. Сказывалось ли то, что их нарекли невестами Предвечного и запретили вступать в любые отношения, в отличие от тех же рыцарей Алой Розы? Или это из-за тяжёлой, изматывающей работы в больнице? Ричард всегда гадал, ища ответ.

Сестра привела их к резной двери, над которой висела табличка «Почтение, смирение и кротость» – девиз служения белых. Она отворила дверь и удалилась.

В покойницкой царил холод, поддерживаемый магией, и идеальный порядок. Она освещалась чередой тусклых факелов, которые не смели потревожить покой мертвецов. В нос сразу же ударил запах мяты, заглушающий вонь от тел. В полумраке вырисовывались черты коек, где лежали тела, вокруг которых хлопотали белые сёстры. Ветошью они обмывали покойников. Для вскрытий отводилось отдельное место, спрятанное за высокой ширмой, подальше от любопытных глаз. В этом маленьком углу вокруг одинокого стола, на котором лежало тело Коннора Лиассера, крутилась Эйлин, в белой рясе, поверх которой был натянут такой же белый фартук, заляпанный каплями крови. При их встречах она часто рассказывала, каких сил стоит поддерживать эту непогрешимую белизну. Услышав, что они пришли, она подняла голову и посмотрела на них. Ричард отметил, что в её оливковых глазах стояла печаль, не покидавшая её никогда, и под ними залегли глубокие, тёмные тени. Увидев его, она вымученно улыбнулась и поздоровалась.

– Ты ведёшь это дело? – спросила Эйлин.

Уильям пренебрежительно хмыкнул.

– Да. Что ты узнала?

Эйлин бросила грустный взгляд на Коннора, подошла к письменному столу, протянутому вдоль стены, взяла подшивку пергаментов и пролиستала их. Читая, она прикусила нижнюю губу, а на лбу проступила морщина от чрезмерной сосредоточенности. Эйлин вздохнула.

– Коннор Лиассер, двадцати одного года, помощник аптекаря, найден убитым в собственной комнате, – перечислила Эйлин.

– Что с глазами? – спросила Беатрис.

– Они выжжены, но изнутри. – Эйлин нахмурилась. – Как бы лучше объяснить вам. Представьте, что в желудок Коннора поместили огненный шар, и этот шар вышел через глаза.

– Но кожа не повреждена, – заметил Уильям.

– Кожа не повреждена, но внутренности выжжены. Возможно это какая-то разновидность магического огня, но я такого не видела. – Она ещё сильнее нахмурилась.

– В саже я нашёл блестящие частицы, – сказал Ричард. – Что это?

– Возможно, остатки магии. Вы знали, что некоторые особо сильные заклинания оставляют след?

– Очень интересно, – сказал Уильям. – Ричард думает, что у Лиассера вытянули сущность. Это возможно?

Эйлин нахмурилась и задумалась. В такие моменты она сильнее всего напоминала Ричарду двенадцатилетнюю девчонку, которую он вытащил из борделя одиннадцать лет назад. Такая же настороженная и недоверчивая.

– Наверное. Не знаю. – Она пожала плечами и задумалась.

Эйлин опустила взгляд в бумаги. Ричард понял, что она что-то скрывает и недоговаривает. Он подошёл к ней, взял за руку, их глаза встретились. От неё пахло мятой. Нижняя губа Эйлин дёрнулась.

– Что ещё ты узнала? – спросил он, смотря прямо.

Она вздохнула.

– Ты можешь довериться, – настаивал Ричард.

Эйлин выдернула руку и бросила быстрый взгляд на Уильяма и Беатрис. Ричард поймал его и покачал головой.

– Я доверяю им, как себе. Ты можешь рассказать нам всё.

Эйлин сглотнула, закрыла глаза и выпалила на одном дыхании:

– Я всю ночь провела в наших архивах в поисках похожих случаев. Пока я вскрывала Коннора, я чувствовала, что что-то упускаю. Я уверена, я уже видела такие повреждения, – она тараторила, голос становился всё выше. – Но вспомнить, когда это было и где, не смогла. Странно, правда? Как будто пытаешься вспомнить сон после пробуждения. Он вертится в сознании, ты ухватываешь отдельные детали, но они ускользают из рук... На рассвете меня нашла настоятельница. Я рассказала ей об этом. – Эйлин поправила прядь волос. – Она выслушала, а потом накричала. Ты бы видел её лицо.

– Что в этом странного? – спросила Беатрис. – Все иногда срываются.

– Она никогда не кричит. – Эйлин скрестила руки на груди. – Наша настоятельница – само спокойствие, а тут сорвалась.

– И дальше ты проникла в её кабинет? – спросил Уильям ухмыляясь.

Эйлин покраснела и опустила голову.

– Там я нашла её книгу посещений. За последний месяц её пять раз навещал некий Филли из Академии. Его приходы совпадают с моими тремя провалами в памяти. – Глаза Эйлин заблестели, безумный огонь захватил их. – Я думаю, что это маг йармы, и он стёр мою память... или заместил воспоминания... Возможно, кому-то ещё из сестёр стёрли память.

– Ты уверена? – Беатрис скептически скривилась. – Звучит, как...

– Лихорадочный бред. – Уильям ухмыльнулся. – Мы серьёзно будем предполагать, что настоятельница что-то скрывает от алых и гвардии? – Уильям скрестил руки на груди.

– Но как это ещё объяснить? – Эйлин покраснела.

– Тогда это подтверждает, что кто-то пытается создать Глаз Безликого, – заметил Ричард.

– И ты туда же, Ричард? – Уильям вскинул руки. – Как ты себе представляешь допрос настоятельницы? На основании чего мы будем её допрашивать?

– То, что она настоятельница, не делает её заранее невиновной. – Глаза Эйлин заблестели. – Что это за вера в чужую непогрешимость? Если она настоятельница, она не может быть ни в чём замешана?

– Следи за своим языком. Не думаешь, что эти мысли у тебя от Нечистого?

– У меня они хотя бы есть. – Эйлин зло улыбнулась.

Он изменился в лице и потянулся к эфесу меча. Ричард бросил на него грозный взгляд, Уильям убрал руку и провёл ей по тёмно-каштановым волосам.

– Прекратите, – вмешался Ричард. – Уильям прав. Улик у нас нет.

Услышав эти слова, Уильям расплылся в довольной улыбке. Эйлин же покраснела сильнее, сжала руки в кулаки. Беатрис скусающе зевнула.

– Что-то ещё ты нашла? – продолжил Ричард.

– Нет. – Эйлин покачала головой. – Я поспрашиваю сестёр, поищу списки умерших, чтобы доказать свою теорию.

– Тогда мы могли бы наведаться в Академию, – заметила Беатрис.

– Как ты это себе представляешь? – Уильям усмехнулся. – Вы, случайно, в свободное время не вытягиваете сущности? Не прячете тела с настоятельницей Белого Шпиля? Такие вопросы? Может, не будем мелочиться и епископа тоже спросим? Мало ли. – Он нервно рассмеялся.

– Разумеется, я не это имела в виду. – Беатрис скривилась, скрещивая руки. – А ты что бы предложил, Уильям?

– Отбросить этот бред.

Беатрис и Эйлин одновременно фыркнули, закатывая глаза.

– Нам всё равно придётся навестить Академию, – сказал Ричард. – Хотя бы для того, чтобы узнать, можно ли совершить такое самоубийство.

– Так ты не отрицаешь мою версию? Славно.

– Я ни чью версию не отрицаю, нам нужно собрать факты. Ты с Беатрис сходишь в Академию.

– Лучше мы пойдём по отдельности, – сказала Беатрис. – Одна я скорее что-нибудь выведу. Мои методы тоньше.

– Хлопать ресницами и расстёгивать пуговицы на рубашке – с натяжкой можно назвать методами. – Уильям усмехнулся.

– Тем не менее это работает.

– Хорошо, – прервал их Ричард, не желая попадать на новый виток бесполезных споров. – Тогда, Эйлин, ты...

– Разужаю, что происходит в больнице. Поищу, что это мог быть за ритуал... Я буду осторожна.

– Ты не обязана это делать.

– Считаю, что я отдаю тебе должок. – Эйлин попыталась мягко улыбнуться, но выражение лица получилось вымученным. – Я справлюсь, а теперь мне нужно вернуться к работе.

Ричард кивнул.

– Чем ты займёшься? – спросил Уильям, когда они вышли из Белого Шпиля.

– Изучу бумаги Лиассера – надо понять, каким боком он связан со стражами.

– Конечно, стражи. – Уильям хмыкнул. – Куда же без них.

– Тогда увидимся в штабе, – подвела черту под разговором Беатрис.

Она махнула им рукой и направилась в сторону Академии. Уильям бросил на Ричарда недовольный взгляд, который кричал о негодовании, но, не проронив больше ни слова, последовал за Беатрис, гордо подняв голову. Ещё не один раз он напугает Ричарда, что их расследование не имеет никакого основания. С этим он разберётся после.

Глубоко вздохнув и расправив плечи, Ричард пошёл в штаб Алой Розы. Солнце назойливо пробивалось сквозь тучи, пытаясь доказать, что весна уже не за горами, но душа Ричарда не желала расцветать вместе с ней.

Штаб Алой Розы, как и её казармы, расположился за крепостными стенами на месте старой фермы, принадлежавшей второй семье Карнахена, после Бишопов, – Дюбуа. В их замке был штаб командования, а хозяйственные постройки и амбары переделали под казармы, которые вмещали в себя тысячу алых: оруженосцев, рыцарей и капитанов, возглавляемых сенешалем Кристианом Лоптом. Это было второе по численности войско в Паении, больше Регардия держала в Менноне, столице королевства. Войско в ней всегда было готово подавить быстро и жёстко любое восстание. Этому они научились в первые годы после войны. Сейчас же Паения пребывала в глубоком сне, не желая и не пытаясь ничего изменить.

Ричард быстро прошёл в восточное крыло штаба и поднялся по винтовой лестнице в башню. Комната служила ему и спальней, и кабинетом. По легендам, здесь барон Дюбуа держал свою строптивую дочь. Эта байка всегда забавляла Ричарда, хоть и в душе он, бывало, ощущал себя как запертая принцесса в клетке из своих воспоминаний. Личную комнату ему выделили пять лет назад, когда он получил звание капитана Алой Розы. До этого он ютился в одном из амбаров в общей казарме, выгрызая себе право на существование. Первые месяцы после убийства королевы он предпочёл навсегда забыть, похоронить за тяжёлой дверью в подвале сознания, запихнуть глубже и никогда не доставать на свет Предвечного. Только боль перед дождём в левом боку под рёбрами, паршиво сросшимися после многочисленных переломов, напоминала, что прошлое реально, а не плод его воспалённого сознания. Тогда он сдружился с Левроном, который единственный не участвовал в еженощной муштре. Уильям не задавал лишних вопросов, будто знал, где кончаются душевные возможности Ричарда и начинается беспрсветная боль. Когда же Ричард стал капитаном, он не превратился в угодливого и подбострастного рыцаря, трясущегося перед каждым его словом и нервничающего из-за любого взгляда. Уильям продолжил упрямо отстаивать свою точку зрения и ставить слова, а иногда и приказы, под сомнение. За это Ричард был ему благодарен.

На письменном столе лежали бумаги и книги Лиассера, на краю стоял злополучный кувшин, принесённый с места преступления. Ричард поставил меч в стойку, отцепил плащ от доспеха и аккуратно повесил рядом. Забота об алом плаще стала неотъемлемой частью новой жизни, такой же, как и вера в Предвечного. Ричард предпочитал не задумываться, как легко он отринул паенское многобожие в угоду служению сладкой мысли, что есть всемилостивый Предвечный, который любит своих детей и прощает им всё, практически всё, что не нарушает строгую доктрину, в отличие от него самого. Невообразимая роскошь.

Ричард уселся за стол, приготовил пергамент, взял первую попавшуюся книгу и стал изучать её, делая записи. Труд был посвящён Аэрии и существам, что обитали в ней. Ничего нового для себя он не узнал. Другая книга – об аптекарском ремесле. Труд оказался подробным и дотошным, манера изложения убаюкивала. Ричард пролистал ещё несколько книг. Не найдя в них ничего интересного, он потянулся к записной книжке. Провёл рукой по кожаной обложке с тиснением пылающего феникса с распростёртыми крыльями. Ричард заворожённо смотрел на символ ордена, в душе что-то защемило и попыталось вырваться, но он подавил это странное чувство. Лучше не находить ему название. Он снова предпочёл не замечать.

Память подбросила непрошеное воспоминание. Ему десять лет, Рэйчел – шесть. Они в Орте. Она прибежала в его комнату, запрыгнула на кровать и стала расспрашивать про орден. Её вопрос: «Почему феникс символ стражей?», поверг его в замешательство. Сам он никогда не задумывался об этом, принимая как данность. Непреложную истину. Рэйчел была неутомима, и они отправились в кабинет отца, чтобы узнать ответ. Он сразу же выгнал их, услышав вопрос, и добавил, что они плохие стражи, раз не могут сами разобраться. За дверью кабинета Рэйчел расплакалась, слова отца обидели её. Ричард пытался утешить, но у него не получалось. К его несказанной радости, в коридоре появилась мама, которая успокоила Рэйчел и ответила им. Она объяснила, что феникс символизирует перерождение, сопровождающее стражей всю их жизнь, начиная с обряда посвящения и продолжая служением во имя жизни. «Каждый раз, когда вам придётся что-то сделать согласно нашему девизу – “во имя жизни”, – вы будете чувствовать, как в вас что-то меняется. Я надеюсь, вы сможете вынести все испытания». Ричард до сих пор помнил её печальный взгляд, с которым она говорила им это. До начала вторжения Регардии в Паению оставалось два года. Тогда он не понял, почему мама была такой печальной, но теперь...

Ричард вскочил со своего места и бросился к матрасу кровати. Быстрыми движениями он нащупал спрятанную подшивку пергаментов. Кодекс. Он здесь. Никто о нём не знает. Никто не узнает. Никогда. Знание, что он там, успокоило неугомонный разум. Он вернулся за стол.

Ричард открыл записную книжку и пролистал её. На страницах выступили чернила, теперь слова можно было прочитать.

В дверь постучали, отвлекая его.

– Не заперто, – сказал он развернувшись.

На пороге комнаты появилась Беатрис, всем своим видом крича, что она не в настроении: в её зелёных глазах пылали молнии, готовые навредить первому встречному. Она тяжело дышала, волосы растрепались, а щёки горели, без того полные губы припухли сильнее, будто она прикусывала их безостановочно долгое время. Она притягивала к себе взгляд, заставляя любоваться собой. Ричард сглотнул, отгоняя наваждение.

Беатрис прошла внутрь, осмотрела комнату и уселась на край его письменного стола, чересчур близко. Ричард поднял на неё взгляд.

– Меня не хотели пускать в ваш штаб. – Она вскинула руки. – Какая нелепица!

– Но всё же пустили, – попытался унять её Ричард.

– Разумеется, но под твою ответственность. – Беатрис ехидно улыбнулась. – Если я натворю что-то, виноват будешь ты. – Она ткнула его в грудь, а зелёные глаза вперились, ожидая какой-то реакции.

Не дождавшись её, она разочарованно скривилась, отдернула руку, будто обожглась, и скрестила пальцы в замок. Беатрис расправила плечи и чуть откинула голову назад, показывая белоснежную длинную шею. Ричард на секунду замер, представляя, насколько нежная кожа там, но тут же опустил глаза, возвращаясь к записной книжке. Беатрис хмыкнула, от неё не скрылась его реакция.

– Что-то нашла в Академии? – спросил он сглатывая.

– Разумеется, нет. – Беатрис начала жестикулировать. – Меня вынудили оставить запрос и дожидаться официального ответа, который я получу через две... ты представь... или шесть недель. В городе происходят убийства, но заявки в Академию идут по очереди... Нечистый бы их побрал! – Беатрис закатила глаза. – Мне несколько раз припомнили... с такой гаденькой улыбочкой... что хоть я и дочь барона, но очередь одна для всех. Эта гримза... старая дева, которая записывала мой запрос... получила несказанное удовольствие. – Она хмыкнула. – Хоть кто-то его получил. Это безумно раздражает. – Беатрис нагнулась к Ричарду. – А ты вообще что-нибудь скажешь? Ричард, ты слушаешь меня? – Она провела рукой у него перед лицом.

– Где Уильям?

– Не знаю. – Беатрис пожала плечами. – Может, очаровывает эту гримзу. Мало ли кто в его вкусе. – Она подавила смешок. – У тебя что?

– Изучал книги Коннора. Ничего полезного. С записной книжки спали чары.

– Значит, я вовремя. – Она притянула к себе колени и удобнее уселась. – И что? Его записи зашифрованы? Нам нужно будет их разгадать? Ты покажешь мне секреты стражей? – Её улыбка стала вымученной, а в глазах проступило раздражение. – После принятия сущности я ничего и не узнала. Только получила постоянные головные боли и головокружение.

– Тебя беспокоит боль?

– Второй день... Я постоянно чувствую её. Лекарь отца сказал, что мне нужно меньше думать и выйти замуж. – Она ухмыльнулась. – И всё сразу пройдёт чудесным образом. – Она вскинула руки.

– Ты кому-то сказала о своей боли?

– Да. Мне нужна была помощь. Ты не говорил, что сущность будет сводить меня с ума от боли.

– Побочный эффект.

– Разумеется. Я как-то догадалась, что это не из-за фаз луны. – Она соскочила со стола и засемила по комнате.

Её движения были нервными и дёргаными, такой Беатрис Ричард никогда не видел.

– Со временем это пройдёт, – прервал её хождения Ричард.

Она остановилась. Взгляд вперился в него, желая испепелить дотла.

– Пройдёт? А что будет потом? Кошмары и странные голоса тоже исчезнут? Как будто ничего и не было? А что со мной будет через десять лет? Пятнадцать? Вряд ли я смогу спокойно жить в Паении. Я же не ты! – Она сорвалась на крик и затараторила, неопределённо размахивая руками, будто они могли удержать её.

Ричард подскочил к ней и схватил за плечи, чтобы унять её разгорающуюся истерику. Он потащил её к стулу и усадил, а сам присел напротив на корточках. Последним делом было бы продолжать с ней разговор. По крайней мере, это всегда помогало с Рэйчел.

– Глубоко вздохни, – сказал Ричард. – Резко выдохни. Давай, Беатрис, дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Молодец. – Он улыбнулся. – Ты сказала, что слышишь голоса...

– Мои кошмары тебя не беспокоят? – Она поморщилась.

– Мне самому часто снятся кошмары, но голосов я не слышу. Так что это?

– Неразличимый шёпот, когда я остаюсь наедине с собой. Я не знаю, что это. – Она обняла себя.

– Это пугает?

– Бездна, а ты как думаешь?

Ричард задумался. Во время обряда стражи вбирают сущность Аэрии из кристалла. Сущность же, которую поглотила Беатрис, могла быть чем угодно. Или кем угодно. Может ли она обладать своей волей? Сознанием? Воспоминаниями? Что вообще тогда происходит с Беатрис? На все эти вопросы у него не было ответов.

– Ладно. – Беатрис резко выдохнула, взгляд упал на кувшин. – Вот он где. – Она потянулась к нему и схватила. – Есть идеи, что это за символ?

Ричард покачал головой.

– Отдай его мне. Я свяжусь со старьевщиками отца, они не будут задавать лишних вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.